

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 28

1983

Джеймс ОЛДРИДЖ

ПРОЩАЙ, НЕ ТА АМЕРИКА

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 28

Джеймс ОЛДРИДЖ

**ПРОЩАЙ,
НЕ ТА АМЕРИКА**

РОМАН

*Перевод с английского
Т. ОРЛОВОЙ*

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1983

Джеймс ОЛДРИДЖ

Имя английского писателя Олдриджа широко известно советскому читателю. Его романы, повести, рассказы неоднократно печатались на страницах различных журналов и выходили отдельными книгами большими тиражами.

Он родился в 1918 году в Австралии в семье редактора газеты. Учился в Мельбурнском университете, слушал лекции в Лондонском университете. Во время второй мировой войны он был военным корреспондентом, побывал в различных странах. Джеймс Олдридж был свидетелем наступательных боев Советской Армии на Берлин в 1945 году. От фронтовых репортажей и очерков Олдридж перешел к работе над романами. В романах «Дело чести» и «Морской орел», переведенных на русский язык в 1944 и 1945 годах, изображена антифашистская борьба греческого народа. Он автор многих ярких произведений, получивших широкое признание в нашей стране. Среди них — роман «Дипломат» (русский перевод в 1952 году), за который он получил в 1953 году Золотую медаль Всемирного Совета Мира. В сатирической пьесе «Сорок девятый штат» он изобразил зависимость Англии от Соединенных Штатов. Романы «Герой пустынных горизонтов», «Не хочу, чтобы он умирал», «Последний изгнанник» изображают подвиг национально-освободительной борьбы в арабских странах.

Писатель и публицист Джеймс Олдридж известен также как крупный общественный деятель, выступающий за дело всемирного прогресса, за всеобщий мир и безопасность народов. Он член Всемирного Совета Мира, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

ПРОЩАЙ, НЕ ТА АМЕРИКА

Глава 1

Летом 1955 года мы с женой и двумя детьми жили в местечке Сен Жан на мысе Ферра в старой, полуразвалившейся вилле, носившей название «Ле Эскапад» — «Убежище». Над нами на склоне горы находилась вилла Сомерсета Моэма «Мореск», вознесшаяся над ярко-голубым заливом Вильфранш, — взору великого писателя открывалась истинная Ривьера, вплоть до находящейся на западе Антибы.

Нашим другим соседом был один из Ротшильдов, вилла которого являла собой некое подобие просторного мраморного музея изящных искусств XIX века. У подножия этой нашей общей горы пристроился сам Сен Жан, тогда еще совсем деревушка. С одной стороны залива находилась огромная «Вилла Синжей», а с другой — богатый старый отель «Бристоль».

Все это послужило великолепной декорацией для не совсем обычной драмы, разыгранной при нашем участии здесь, на наших верандах, в садах и на этих террасах в том самом году. «Драма», впрочем, уже не совсем подходящее теперь слово. Это было скорее столкновение двух противоположностей. Иначе и нельзя назвать то, что произошло в результате тщательно подготовленной встречи между бывшим советником Рузвельта по китайским проблемам, жизнь которого была исковеркана и разбита в пух и прах приговором Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, и его бывшим другом, который фактически выдал и изобличил его перед комиссией и в конечном итоге изуродовал ему жизнь.

Сама идея свести опять этих двух людей лицом к лицу была настолько абсурдной и вместе с тем захватывающей, что мной овладело двойственное чувство: что-то в этом и отталкивало и одновременно притягивало. Ведь в 1955 году прошедшие события были еще слишком живы в памяти.

Человек, обвиненный в «антиамериканизме», все еще рассматривался как преступник. А представителям моего поколения можно не напоминать о тех диких временах и о том, что ожидало людей, имена которых оказались в досье Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, в особенности таких двух, как Филипп Ловелл (жертва) и Лестер Террада (его обвинитель). Это было не самое нашумевшее дело подобного рода. Его нельзя сравнить с процессом Хисса — Чеймберса. Но оно всегда рассматривалось как случай особый из-за их тесных, дружеских отношений в прошлом, сменившихся открытой взаимной ненавистью и в итоге завершившихся триумфом справедливости, прошедшей сквозь горнило трагедии.

Я был всего лишь консультантом по подготовке их встречи на мысе Ферра, а не инициатором. Человеком, который действительно все устроил, была Дора Делорме. Она также жила над нами, на покрытых соснами склонах, где находились владения Мозма и Ротшильда. Дора когда-то работала в Париже агентом крупнейшего универсального магазина в Сан-Франциско и позднее вышла замуж за одного из партнеров фирмы. Она унаследовала его состояние, что дало ей возможность в свои почти шестьдесят лет удовлетворять тягу к обществу видных политических деятелей, что могут себе позволить богатые американки.

В молодости Дора была красавицей — американская Венера, но по рождению она была французенкой, и в ее крови сохранилось инстинктивное влечение французского крестьянина к своей земле, из-за чего она вернулась во Францию доживать век в своем владении, не забывая о деньгах. Она была полной, снисходительной, высокомерной, привлекательной, умной, вспыльчивой и немножко коварной. Она появилась у нас в тот жаркий июльский день 1955 года потому, что Пип Ловелл (жертва) гостил у нас. Верховный федеральный суд не приговорил Пипа к тюремному заключению. Однако сенатская комиссия высказалась за поддержку обвинения в антиамериканской подрывной деятельности, и таким образом он был подвергнут остракизму, внесен в черный список, лишен паспорта и фактически обречен на ссылку. Дела его были настолько плохи, что к 1952 году он тайком покинул Соединенные Штаты и переехал во Францию. С тех пор он полулегально жил в Париже, как и десятки таких же американцев, занесенных в черные списки, чьи паспорта были аннулированы, а сами они лишены возможности зарабатывать себе на жизнь.

— Твой друг Ловелл здесь? — спросила Дора, подкатив к нашему дому в своем «пежо» и ожидая, когда мы подойдем к ней.

— Нет. Он в Ницце с Моникой, — ответил я.

— Хорошо. Тогда я выйду.

Она поднатужилась, извлекла свое тело из машины и по дорожке направилась к садовому креслу под зонтиком. Она плюхнулась в него, как слон в грязную лужу. Мы поняли, что-то очень серьезное заставило ее явиться к нам.

— Принеси мне, пожалуйста, стаканчик чего-нибудь, Айлин, — обратилась она с улыбкой к моей жене.

Она всегда пыталась пробить в ней стену ирландской подозрительности, но это ей никак не удавалось. Когда Айлин ушла на кухню, Дора сказала:

— Ты не можешь себе представить, с какой просьбой я к тебе приехала, Кит.

— Если это касается твоего очередного пикника, — сказал я, — то об этом и речи быть не может.

Дора рассмеялась. Она была любительницей «кошмарных» калифорнийских пикников преимущественно в труднодоступных местах, где ее фигура каким-то образом теряла свою слоноподобность.

— Это никакого отношения к пикнику не имеет,— заявила она.
— Значит, имеет отношение к Пипу Ловеллу,— сказал я,— а об этом тоже не может быть речи.

— Ну, хорошо...— продолжила она, намереваясь прощупать почву дальше.

— Оставь его в покое, Дора,— сказал я ей.— Он еще слишком уязвим, чтобы связываться с людьми, которых ты развлекаешь у себя там, наверху.

— Каких это людей ты имеешь в виду?— спросила она с невинным видом.

— А вот таких, которые, возвратившись домой в Америку, с чувством затаенного страха и вместе с тем с удовольствием донесли бы потихоньку, что они видели пресловутого Филиппа Ловелла.

— В моем доме?— возмутилась она.— Ты подумай, какой бы был скандал! Меня внесли бы в черный список.

— Тебе плевать на любой скандал, ты прекрасно это знаешь.

И я был прав. Дора обладала особого рода смелостью и потому не боялась принимать в своем доме людей, подобных Пипу Ловеллу, над которым все еще витала тень прошедшего скандала. Большинство его друзей уже давно как бы растворились в гнетущей атмосфере страха, захлестнувшего Америку, хотя, впрочем, и не все от него отфрелись. Но Дора нисколько не боялась пригласить его к себе в дом.

— Имеется очень важная причина...— произнесла она загадочно.

— Причина для чего?

— О, я хочу, чтобы Ловелл пришел ко мне на обед.

Айлин подошла со стаканом гранатового сока, который Дора выпила залпом. Но этот настороженный ирландский взгляд Айлин заставил Дору еще немного потрепетать.

— Я никогда не встречала Ловелла,— сказала она.— Хотя Лестера Терраду знаю многие годы.

— Этого мерзавца!— не сдержался я.

— Не будь глупым,— ответила она.— С таким же успехом ты можешь назвать мерзавцами Банко, или Меркуцио, или любого из этих роковых шекспировских убийц.

У Доры было весьма своеобразное представление о целом ряде шекспировских героев, далеко отстоявшее от истины.

— Для Террады все это в такой же степени явилось трагедией, как и для Ловелла,— произнесла она.

— Это звучит довольно глупо,— возразил я.— Террада — осведомитель, который погубил Пипа, за что и был провозглашен героем. Какой-то из штатов установил даже в его честь «день Террады».

— Ну, все это неважно,— с досадой сказала Дора.— Дело в том, что Террада приедет на несколько дней из Парижа ко мне в гости, и он просил меня пригласить Ловелла, чтобы они могли снова встретиться. Ну, подожди,— остановила она меня, когда я хотел ее перебить.— Он

действительно приезжает сюда ради встречи с Ловеллом. Он узнал, что Ловелл живет у тебя, и спросил, не могу ли я пригласить его сюда и затем устроить встречу.

— Ты с ума сошла! — сказала Айлин.

— Ты так думаешь, милочка? — произнесла Дора примирительно.

— С какой целью сводить их опять? — сказал я.

— Никакой цели нет, — ответила она. — Просто Террада спросил меня, могу ли я это устроить. И вот это-то я и пытаюсь сделать с вашей помощью. Вот и все.

— Нет! — сказал я твердо.

— Но почему?

— Потому, что это отвратительная затея, и она никому ничего хорошего не принесет.

— Откуда ты знаешь? Может быть, твой друг Ловелл сам захочет с ним встретиться?

— Сомневаюсь, Ловелл, пожалуй, может невзначай всадить в него пулю.

— Откуда ты знаешь, что он хочет, если ты не считаешь нужным спросить его?

Но тут вмешалась Айлин:

— Может быть, она права, Кит. Может быть, Пип был бы рад небольшому возмездью.

Но я еще колебался. Айлин могла думать категориями мести: она была бойцом, и подчас свирепым, и она на все смотрела с точки зрения противоборства сил, в то время как Пип был воплощением цивилизованности.

— Ловелл — взрослый человек, — настаивала Дора. — Дайте ему самому решить.

Я думал об этом и о самом Пипе, которого знал с 1941 года. Но Дора продолжала давить на меня, будто хотела расширить ту брешь, которую ей удалось пробить в моей обороне. Конечно, все будет сделано с соблюдением необходимой предосторожности. Террада сам не хочет, чтобы об этом кто-нибудь знал.

— Могу себе представить, — проворчал я.

Террада был теперь человек уважаемый, почитаемый и известный. И даже сам факт, что он мог сидеть за одним столом и разговаривать с «предателем», которого он сам изобличил, в те годы принес бы немало неприятностей. Если, конечно, за этим не скрывалась ловушка. Но это я отмел. Слишком уж все делалось открыто.

— Террада говорил, что вы хорошо были знакомы в сорок первом в Нью-Йорке, — сказала Дора, явно ожидая большей уступчивости.

— Я знал их обоих. Тогда они были очень близкими друзьями.

— Так предоставьте им возможность снова сойтись, — сказала Дора.

Теперь я уже склонен был согласиться.

— Хорошо. Я поставлю Пипа в известность, но не больше.

Дора встала. Дело сделано, нет нужды расслаживаться. Когда она взгромоздилась опять на сиденье своего «пежо», амортизаторы, провалившись, всхлипнули.

— Террада прибудет в воскресенье с женой и сыном.

— С женой и сыном? — пробормотал я ошеломленно. — Разве ты не знаешь, что жена Террады была когда-то женой Пипа? И что их сын — это на самом деле сын Пипа?

— Я знала о жене, но не о сыне, — сказала она, и внезапно безудержный приступ смеха потряс ее толстую белую шею. — До чего же мы, смертные, глупы, — изрекла она и тут же рванула машину с места на полный газ, пока я не передумал.

Глядя ей вслед сквозь оседающую пыль, Айлин сказала:

— Мне кажется, будь я на месте Пипа, я отравила бы их обоих.

Я поцеловал свою воинственную жену. У меня были сомнения относительно всей затеи, и я решил еще раз как следует подумать, прежде чем говорить Пипу. Мне надо было подумать о самом Пипе, о Джуди, его бывшей жене, его сыне и о тех десяти годах жизни, в течение которых Пип носил на себе печать изгнанника и «предателя». И как бы я ни прикидывал, я был убежден, что едва ли было честно сводить Терраду с Пипом. Пип был все еще изгнанник и барахтался где-то на дне, в то время как вокруг Террады сиял ореол героя и он находился в зените успеха. С другой стороны, может ли эта встреча кончиться так уж плохо? Мне надо было хорошенько вспомнить все, касающееся этих двух людей, которых я узнал в те зимние месяцы 1941 года в Нью-Йорке. Я довольно бездарно проводил это время в журналах «Тайм» и «Лайф» вместе с Филиппом Ловеллом и Лестером Террадой — моими коллегами по работе, с которыми я тогда дружил.

Глава 2

Для журналов «Тайм» и «Лайф» я начал работать в 1941 году. Это произошло благодаря тому, что мне довелось побывать на фронтах и в Финляндии, и в Норвегии, и в Греции и участвовать в военных действиях в Западной африканской пустыне. Они предложили мне должность военного корреспондента при условии, что три-четыре месяца я буду стажироваться в редакции «Тайм» в Нью-Йорке. Работу я начал в отделе, занимавшемся освещением хода мировой войны. Редакторами там были Чарльз Вертенбакер и Джон Хэрсси. Мне выделили стол в углу комнаты, пол которой был застлан толстым ковром, а стены увешаны чучелами птиц.

Кабинет этот раньше принадлежал Джону Стюарту Мартину, бывшему однорукому редактору «Тайма», который к тому времени уже не работал, но его пернатые призраки продолжали занимать и после него свое место на этих серых стенах.

Кроме меня, в комнате было еще двое — Тедди Уайт и Сэм Солт, парень из Оклахомы, принадлежавший к той породе американских газетчиков, которых потом вспоминаешь всю жизнь с огромной симпатией и чувством сожаления, что не довелось их знать подольше и получше. По соседству с нами был кабинет Верта, а немного дальше по коридору, но с другой стороны, находилась справочная, где работали одни девушки. Затем шел кабинет Хэрсис и, наконец, комната, где работали Пип Ловелл и Лестер Террада.

Этот уголок двадцать девятого этажа был славным местечком в ту зиму и весну, потому что там было много талантливых людей, собиралась хорошая компания и велись приятные беседы. Хэрсис был молод и умен и, конечно, заслуживал для себя несравненно лучшего места. Таким же был Тедди Уайт. А уж о Вертенбакере и говорить нечего — это был принц, которому мы с радостью служили. Именно Верт позволял нам некоторые вольности, был к нам снисходителен и поощрял проявление наших талантов, сколь бы малыми они ни были. Возможно, даже сам Люс, правивший в «Тайме» и «Лайфе», высоко ценил Вертенбакера, и возможно, что этот уголок на двадцать девятом этаже был воистину высоким творением самого Люса.

Тедди тогда писал книгу о Чан Кай-ши (он только вернулся из Китая). Я трудился над романом о войне в Греции, а Сэм, как всегда, оставался, к счастью, Сэмом. Он любил читать комиксы, похихикивал, щекотал свой большой нос и на завтрак употреблял хранимое в нижнем ящике стола виски «Бурбон» и пакет молока, принесенный рассыльным. Когда избыток нашего молодого энтузиазма, сдобренного долей честолюбия, становился обременительным для Сэма, он, потягиваясь, говорил:

— Ну, ребятки, надо что-то сделать, чтобы подкрепить ваш моральный дух.

И Сэм предлагал, вернее, заставлял нас совершать поездки на остров Стэйтон, полюбоваться на статую Свободы «при наиболее благоприятных обстоятельствах». Для Сэма эти «обстоятельства» включали холодный, гнетущий, пасмурный день, когда мы, кутаясь в пальто, с мокрыми от дождя лицами всматривались в лежащие впереди туман и мглу и, столпившись в передней части пустого парома, тянули эликсир жизни из бутылки «Бурбона», предусмотрительно прихваченной Сэмом. Сэм прекрасно знал, что делал, и эти сентиментальные походы не имели никакого отношения к статуе Свободы, на которую он сам никогда не обращал внимания.

Конечно, мы не были закоренелыми пьяницами. Но Сэму казалось, что для меня будет полезно ознакомиться с некоторыми аспектами

американской действительности в «наиболее благоприятных условиях». В конечном счете хищение нами рабочего времени, принадлежавшего «Тайму», переполнило чью-то чашу терпения, и кто-то, сидящий наверху, решил разбить нашу компанию. С мнением Верта не посчитались, и меня перевели в другое место. Вполне очевидно, что меня посчитали главным зачинщиком. Я был перелетной птицей, чужеземцем, зачарованным Нью-Йорком и влюбленным в него, и у меня не было никакого желания писать о войне, сидя на двадцать девятом этаже.

Итак, меня переселили дальше по коридору, в комнату, где работали Ловелл и Террада, где не было Сэма, чтобы не поощрять меня в моих собственных попытках «американизировать» себя.

По сути дела, в моем переселении было мало смысла, потому что Ловелл и Террада всегда бегали где-то по своим делам. Джон Хэрсич частенько захаживал поболтать в наш старый уголок с Тедди, Сэмом и со мной, и сам Верт любил заглянуть и обменяться новостями. Здесь же, в этой комнате, Ловелл и Террада держались особняком. Что-то их бесконечно связывало. Естественно, речь шла не о чем-то другом, что полностью поглощало их обоих и что сделало их неразлучными. Сэм сказал, когда меня перевели:

— Ты там в весьма интересном американском окружении, Кит. Так что будь осторожен.

Даже с первого взгляда было ясно, что Террада по характеру сильнее своего друга. Это был крупный, плотного сложения мужчина с крепкими ногами, пышной шапкой волос и широким лбом.

У него был живой ум, он был эрудирован, упрям, и в нем было что-то от библейского пророка — во всяком случае, так я воспринял его на слух. Он был из числа тех пророков, в которых чувствуется сила, а не из распираемых сомнениями. Он говорил всегда так, будто подчеркивал, что именно к этим его пророчествам следует прислушиваться. Но по каким-то необъяснимым причинам я всегда воспринимал его как человека лишь одного своего поколения, как будто ничего нет перед ним впереди и ничего не останется после него. Его отец был стеклодув из Богемии, а мать — истощенная полька из Тильзита, и он придумал себе имя на основе какого-то другого, первоначально считавшегося чешским. Но, казалось, он с таким усердием вдыхал сам воздух Америки, как если бы вся остальная часть нации дышала с ним в унисон.

Пип, напротив, производил впечатление легковесного и рафинированного аристократа из Новой Англии. Он был всегда бодрым и веселым, несколько, пожалуй, даже излишне, будто стыдился чего-то или скрывал какую-то свою ущербность. Но вместе с тем чувствовалось, что он и его аристократическое имя как бы потускнели от бурного вторжения процесса «американизации» в жизнь страны.

— Ты прав, ты прав, ты прав, — говорил он Терраде, когда заходил спор по вопросам, касающимся ранней истории США. Когда речь заходила об Америке, Пип отпასовывал эти вопросы к Терраде с таким видом, будто иначе и быть не может. Будто он лично не претендует уже на свое право говорить от имени Америки. Лишь спустя некоторое время я понял, что в действительности имел в виду Пип, и оценил то, что он пытался сделать. Но как только я дошел до этого, мое уважение к нему значительно возросло и моя любовь к той Америке, которую он сам олицетворял, получила прочную опору.

В сущности, что мне удалось для себя открыть — и достаточно быстро, — это то, что Пип относился к совершенно другой категории людей, нежели Террада. Эти двое, в сущности, больше спорили между собой, а не обсуждали, не разговаривали. Они скорее были людьми, находящимися не на одной стороне, а на противоположных позициях. Они были привязаны друг к другу, но их что-то разделяло.

Но что?

Я по наивности думал сначала, что это была одна из старших референток, Джуди Джемисон, которая иногда появлялась в нашем коридоре и, прислонившись к двери, останавливалась поболтать с нами. В действительности она обращалась к двум другим, а не ко мне. А точнее, только к одному из них. Но к кому? Джуди Джемисон была не то чтобы хорошенькая девушка, и она имела обыкновение как-то странно, отрывисто смеяться. Но она была достаточно хорошо воспитана, хорошо одета, опрятна, подтянута, с изящной прической темных волос, легкой улыбкой самоуверенных губ, красивыми зубами и кожей. Джуди выглядела, как балтиморская красотка, которая скорее сама создала свой образ, а не была рождена с ним. Это было время жемчужных ожерелий, свитеров из ангорской шерсти и юбок разумной длины, и это все шло Джуди наилучшим образом.

Иногда она играла карандашом меж зубов, слегка приоткрыв рот, это как-то завораживало. Она знала, что в своем наступлении на всех нас ей не следовало полагаться лишь на свою фигуру и чисто физические достоинства. У нее был целый арсенал различных средств и приемов, и она достигала желаемого эффекта.

Однажды Джуди пристроилась в дверном проеме и произнесла:
— Вы придете ко мне на обед в четверг?

Я взглянул на нее, но не ответил. Она не имела меня в виду. Другие двое также не отвечали.

— Я имею в виду тебя, Кит, — сказала она решительно.

— Меня?

— Ради бога, не повторяй вопросы, — сказала она и дала мне маленькую карточку с адресом ее квартиры в Гринвич-Виллидж.

Вот и все. Я не смотрел на двух других, зная, что на самом деле Джуди хотела пригласить одного из них, а не меня. И я смеялся, гадая про себя, каким образом она намерена использовать меня в качестве орудия для того, чтобы заполучить своего избранника, ибо это была,

как я полагаю, единственная причина, почему она меня пригласила.
— Великолепно, Кит,— сказал Пип, обращаясь ко мне со смешинкой в глазах.

— Этот проклятый англичанин приходит сюда и уводит девушку прямо из-под нашего носа,— громко произнес Террада, пытаясь копировать мое английское произношение.

Джуди в своей опрятной квартирке с цветной служанкой (она имела свои средства, и это происходило в 1941 году) была совсем не похожа на ту Джуди, которую мы привыкли видеть в наших коридорах. Она чувствовала себя слегка неловко и держалась с некоторой долей высокомерия. И тут я поразился, как она походила на Пипа. Она даже внешне была похожа на него. Она так же смущенно посмеивалась, у нее были такие же насмешливые глаза.

Она выглядела более интеллигентной, чем Пип, но, надень на нее мужской серый фланелевый костюм, и она вполне сошла бы за брата Пипа, только более опрятного. На первый взгляд они были как бы созданы друг для друга, если не считать, что Джуди была сделана из железа, в то время как Пип напоминал больше бронзу.

— Для чего ты пригласила меня на ужин? — спросил я, когда нам подали устрицы.

— Потому, что эта парочка порой действует мне на нервы,— произнесла она с видом маленькой собачки, рычащей над костью.— О чем это они говорят все время?

Я раньше как-то не задавал себе этого вопроса, но, когда я подумал меня вдруг осенило.

— Об Америке,— ответил я.

Она недоуменно посмотрела на меня, но потом рассмеялась.

— А ведь ты прав.

— По сути дела, это только что дошло до меня самого,— сказал я.

— Значит, у них любовные делишки со всей нацией,— произнесла она с сарказмом.— Неудивительно, что они больше никого не замечают.

Собственно, этим и закончился наш уютный, изящный с салфетками ужин. Но всю дорогу от нее к старому отелю «Мюррей Хил», где я тогда жил, я гадал, я гадал, кого из двух Джуди в действительности возжелала. Я был уверен, что им был Пип, и совсем не был уверен, что Пипу она нужна. В этих маленьких комнатках на двадцать девятом этаже велось много разговоров на сексуальные темы, и в особенности о наших девицах из справочного отдела, но ни один из них к теме брака не имел отношения. После того ужина с Джуди я начал наблюдать за Пипом и Террадой более внимательно, и стало ясно, что эти беседы, которые вела Джуди, остановившись в дверях, представляли для обоих чрезвычайно большой интерес, ибо они никогда не упоминали ее, когда речь заходила о телесных и иных достоинствах других девиц. Через неделю на ужин был приглашен Террада,

а несколькими днями позже — Пип. Таким образом, я олицетворял формальный повод для встреч и послужил своеобразной и респектабельной ступенькой для честолюбивых девичьих планов Джуди. Но весь этот странный ритуал меня смешил. Джуди была девушка, соблюдающая условности и с твердыми правилами, и, мне кажется, это как раз и привлекало к ней обоих мужчин.

Но у меня было подозрение, что не она являлась причиной их разногласий. Какое-то время я, правда, думал так потому, что я тогда мало знал саму Америку. До меня сразу не дошли своеобразные нюансы расхождений между Пипом и Террадой потому, что я недостаточно был знаком с американской социальной философией, американской историей, американской идеологией. Только после того как я стал свидетелем особенно длительных споров между ними по поводу книги Паррингтона «Основные течения американской мысли», я стал нащупывать истинную причину их разногласий. Но мне еще пришлось много расспрашивать Пипа, прежде чем я в конце концов нашел ключ к их отношениям, как, впрочем, и к самому Пипу.

Несмотря на свое строгое воспитание в пуританском духе и либеральных традициях, присущих колониальной демократии XVIII века (он был потомком Джеймса Ловелла), Пип не питал никакой привязанности к своему идейному наследию. Исторической подкладкой к идеологии американского интеллектуала начала сороковых годов служили те демократические порядки, которые существовали в припограничных районах во времена Джексона и Джефферсона. Но Пип, который имел больше прав, чем другие сограждане, считать это своим традиционным личным наследием, полностью все это отвергал. Я не имею в виду, что он избрал марксизм или какую-либо другую всеобъемлющую идеологию. Он знал мало или практически ничего не знал о марксизме и даже не интересовался этим. Пип думал чисто по-американски, и он очень просто изложил мне свои взгляды, когда однажды мы сидели за обедом (Террады не было, он уехал в Вашингтон) в ресторане в Рокфеллеровском центре, откуда был виден каток с мчащимися по нему во всех направлениях конькобежцами.

— Америка, — сказал он, — постоянно пытается воссоздать свой образ времен освоения Запада и других необжитых районов, населенных отважными, самостоятельными и честными первопроходцами-фермерами, когда широкие просторы и девственная природа вселяли в людей чувство стремления к истинной свободе. Но сейчас все это звучит глупо, потому что Америка — это в действительности нация, состоящая из урбанизированных крестьян-иммигрантов из Европы, и наша практическая философия должна из этого и исходить.

Я с ним не согласился. Ведь не все иммигранты в стране были выходцами из европейского крестьянства.

— После тысяча восемьсот семидесятого года, — сказал он, — вся

иммиграция, — а это составляет теперь основную массу нашего населения — непосредственно шла из крестьянской среды в Европе. Современная Америка была создана и заселена безземельными крестьянами и европейской беднотой.

— Ну, и что дальше?

— Понимаешь, Кит, они пришли сюда со своим крестьянским образом мышления. По каким вещам они изголодались? Они хотели, например, материальных приобретений, и это определяет саму их сущность. Так же, как и их неотесанность. Как и их грубая естественность, проявляющаяся во всем. Так же, как их смекалка, их здоровье, как вспыльчивость и стойкость. То же самое относится к их вспышкам насилия, их суевериям, их чувствительности, как и к тому, что они представляют собой прочный материал, и к их религиозному консерватизму и почти зверской решимости в защите своих собственных интересов. И именно с этого начинается современная Америка. Это и есть то настоящее сырье, с которым мы имеем дело. И это отнюдь не прямодушные поселенцы с кремневыми ружьями, фермами, где они получали все, что нужно, и бесконечными горизонтами, открывающимися с соседних гор. Подобного рода чепуха в наши дни — это опасный обман, миф, и его нельзя преподнести в таком виде крестьянину. Большой вред был бы и для него и для самого образа тех, других, ранних поселенцев.

На мой упрек, что он слишком суров, что подлинная Конституция времен первых переселенцев и Билль о правах не потеряли своего значения, он ответил, раздраженно пожав плечами:

— Конечно, они важны, я их не вычеркиваю. Но в лучшем случае они являются юридически охраняемым свидетельством. Сам Джефферсон говорил: «Ни одно общество не может создать ни вечную конституцию, ни даже вечный закон». Конституция была лишь наброском в общих чертах для предоставляемых нам в то время гарантий. Так же, как и поправки к ней. Так это и предполагалось. В остальном разработку социальной философии Соединенных Штатов следует начать заново с учетом мировоззрения наших сельских и городских иммигрантов. Начинайте с этого и стройте ее на этом.

— Но, безусловно, старая философия — это лучшее, что у вас есть. Мы опрокинули еще по одной порции мартини, и Пип вновь произнес:

— Как ты можешь так говорить? Что может быть общего, например, у швабского крестьянина, ставшего рабочим у пудлинговой печи в Питтсбурге, со всеми традициями времен Джефферсона и Джексона? Ничего. Какое право имеет украинский мужик, или польский еврей, или ирландский фермер, или шотландский издольщик считать, что Натаниел Хоторн является его духовным и культурным прародителем? Абсолютно никакого. Это смешно. Здесь нет совершенно никакой связи.

— Не думаешь ли ты, что у тебя во всем этом проглядывает что-то от патрициев? — сказал я. — Не отрицаешь ли ты за иммигрантами права на то наследие, с которым тебе повезло родиться?

— Нет, нет, нет! — сердито воскликнул он, в то время как проезжавшая мимо девушка забрызгала мокрым льдом из-под коньков наше окно. — Лично мне не нужны эти чертовы права первородства или какие-то традиции. Я от всего этого отказался. Фактически я пытаюсь объяснить первому поколению наших урбанизированных крестьян, что это их страна, что наша истинная философия должна определяться ими и тем, что они принесли с собой, а не тем, что осталось от меня. Их дурачат.

Я не мог отделаться от завладевшего мной чувства сарказма и сказал:

— Ты имеешь в виду, что они должны начинать все, руководствуясь своей жаждой к стяжательству, своим убожеством и плебейской грубостью?

— Знаешь, Кит, кончай, — ответил он. — Я не имею в виду, что они должны этим руководствоваться. Наоборот, они должны избавиться от всего этого. Я просто хочу, чтобы они поняли, как обстоят дела, поняли, что они принесли с собой. А тогда они могут все изменить, если захотят, и, что бы они ни сделали, все к лучшему. Вот и все.

— Таким образом, ты хочешь полностью избавиться от традиций?

— Более или менее.

— Ты хочешь, чтобы ваши урбанизированные крестьяне переделали себя на другой лад?

— Да.

— На какой же?

— О боже, я не знаю этого, Кит. Никто не знает. Отсюда мы и должны начинать. Но это может быть сделано только на американский манер, потому что нет никаких других критериев для оценки нашей ситуации.

— Ты знаешь, ведь ты же отрекаешься от ценнейших вещей.

— Конечно же, — покорно сказал он. — Но ведь я отступаю от того, что уже потеряно и ушло навсегда. Я хочу, чтобы эта нация разделалась со своими отмирающими мифами и перестроилась бы, исходя из наличия этого замечательного материала, который бурлит от избытка грубой энергии и почти животных страстей. Я не совсем подхожу для этого персонально, но я буду жить с радостью, когда дело будет сделано, и считать себя частью всего, и находиться там, где все. Вот и все, Кит. Ничего особенного, ведь правда?

Ничего особенного.

Я знал, что все далеко не так просто. Особенность заключалась в том, что это преворачивало представление американцев о самих себе. Я тогда понял, о чем в действительности шли все эти споры с Террадой и что их на самом деле разделяло. Они были буквально на

противоположных полюсах. Пип, аристократ «со стажем» еще до 1840 года, земельный собственник — фрихолдер, был готов связать свою судьбу с разношерстной массой у подножия статуи Свободы, в то время как иммигрант Террада взял на себя роль страстного пророка, проповедника ценностей земельной аристократии 1776 года и великих американских традиций. Так что почти все, что они говорили друг другу об американской этике, или морали, или культуре, определялось совершенно различным подходом к самой Америке.

Безнадежная ситуация, может быть, даже опасная в этой все время изобретающей себя стране, где подобные споры являлись корневой системой такого экстраординарного явления, которое они называли «американизмом». Неудивительно, что Джуди ревновала к Америке, неудивительно, что у нее были трудности, мешавшие решить, кого же она хотела, ибо она столь же глубоко запуталась в вопросе, что считать американским, как и они сами.

Глава 3

Так продолжалось всю зиму. Идеологические расхождения проявлялись по любому вопросу, касающемуся их различных Америк. Я никогда не слышал, чтобы они так серьезно говорили о чем-нибудь другом. Я не слышал, чтобы они прибегали к какой-либо «опасной» аргументации философского порядка. Это было странно, поскольку Террада считался в отделе одним из экспертов по России (он жил там два года), а Пип — экспертом по Китаю (его родители были миссионерами, он воспитывался там и говорил по-китайски).

Но я помню первый случай, когда их спор коснулся предметов, находившихся обычно за пределами их дискуссий на исторические темы. Раз в неделю отдел проводил совещание с участием самого Генри Люса. Я не бывал на этих встречах, так как они являлись, по сути дела, инструктажем по политическим вопросам, а я, естественно, не имел ничего общего с теми, кто делает политику. Но однажды Верт взял меня туда просто посмотреть, как все это происходит.

Я чувствовал себя действительно неловко, потому что все они обращались к Люсу запросто: не Генри, а фамильярно — Хэнк. И вся эта внешняя атмосфера редакционной демократии служила лишь прикрытием для самой обычной редакционной автократии. Политику определял Люс. Но мы выступали, и, должен сказать, Люс слушал внимательно. В тот самый день обсуждался вопрос о политике «Тайма» в отношении России, которая уже воевала. Рузвельт только что согласился на продажу русским нескольких грузовиков и истребителей типа «Кобра». Но Люс был против этого, так как выступал против самого Рузвельта. И, следовательно, «Тайм» в то время был

настроен больше пронемецки, чем прорусски. Во время этих редакционных дебатов Террада высказался за то, чтобы Америка ограничила свою помощь России посылкой бинтов, поношенной одежды и кой-каких излишков молочного порошка. Люс с ним согласился.

Но я услышал, как засмеялся Пип.

— Слушай, Хэнк,— сказал он.— В ближайшие шесть месяцев на нас, вероятно, нападут японцы. В ближайшие два года мы будем воевать с немцами. Кого же мы обманываем, посылая русским эти чертovy бинты и старые тряпки?

— Это только домыслы, Пип,— сказал Люс.

— Ничего подобного. Чем больше русские сейчас уничтожат немцев, тем легче будет нашим ребятам, когда им самим придется это делать. Все очень просто.

О моем мнении никто не спрашивал, и я его не высказывал. Все то, что говорил Пип, казалось мне вполне разумным, хотя я не вполне верил, что японцы собираются напасть на Соединенные Штаты. Фактически я считал, что это невозможно.

Но Пип разбирался в Китае и Японии так же хорошо, как и в Америке. Он никогда не смотрел на страны Азии глазами американца. Он оценивал их так, как делали бы это они сами.

Еще в тот день на меня произвело большое впечатление пространное и многозначительное пророчество Террады по поводу войны в Европе.

— Русские,— говорил он,— несомненно, очистят от своего присутствия всю территорию Европы и скроются в бескрайних просторах Сибири, где и будут вести страшную примитивную тридцатилетнюю войну против немцев, которые успешно захватят всю европейскую часть России в течение двух месяцев.

В то время мнение это было довольно распространенным среди экспертов, и Пип был единственным из всех, кто молчаливо, лишь выражением лица, глаз и насмешливым изломом губ, выражал свое несогласие с этим. Он знал, что Террада неправ, но вслух спорить с ним не стал. Его это не особенно интересовало.

После совещания я спросил Верта, почему Люс терпит у себя Пипа Ловелла, хотя его голос в их курятнике звучит явным диссонансом.

— Не суди Хэнка строго,— ответил верноподанный Верт.— Он и Пип мальчиками росли вместе в Китае, и они старые друзья.

— Нет, причина не в этом,— сказал я.

Верт засмеялся.

— Конечно, не в этом,— ответил он.— У Пипа есть гениальная способность знать, как обстоит дела на самом деле. Он слишком ценен, чтобы такой журнал, как наш, мог без него обойтись.

— Ну, а как с Террадой?

— Знаешь, не начинай меня расспрашивать, кто друг, кто враг,— сказал Верт и при этом добавил: — Террада относится к той категории американцев, которым действительно нравится наш журнал, и в этом заключается его ценность для нас.

— Вы хотите сказать, что Пипу на журнал наплевать?

— Я этого не говорю. А к чему ты, собственно, клонишь?

— Так, ни к чему. Я только хотел узнать, что сделало их такими добрыми друзьями.

Верт внимательно на меня смотрел, пытаюсь распознать, насколько я был искренен. Он откинулся назад на своем металлическом стуле и, пожевывая кончик маленькой черной сигарки, какие делают в Новом Орлеане, сказал:

— Тебе надлежит узнать значительно больше об Америке, чтобы по-настоящему оценить истинную благотворность этой дружбы.

— Настолько все сложно?

— Полагаю, что да. У американцев есть присущая им любопытная черта: они всегда разыгрывают роль добросовестных граждан своей свободной республики, Кит. Мы делаем это даже не задумываясь. Мы все время смотрим, в какой Америке мы живем и какого сорта американец рядом с тобой. С людьми интеллигентными дело сложнее. У них в результате всего этого возникает что-то вроде моральной потребности выглядеть стопроцентными американцами. Вот во всей этой курьезной мешанине, если поглубже вникнуть, и запутались эти двое.

— Может быть, в их отношениях как раз больше путаницы, чем дружбы,— сказал я.

Верт повернулся на стуле ко мне спиной и положил ноги на подоконник.

— Ну, это ты копнул слишком глубоко. Почему ты сам не спросишь у Пипа или Лестера обо всем, что хочешь узнать?

— Потому что я сам не знаю, что спрашивать,— сказал я,— вместе с тем меня раздрает любопытство, когда я думаю о них.

Верту весь этот разговор был не по душе, но, немного помолчав, он сказал:

— Ладно, я тебе скажу еще кое-что, а там уж суди сам. Пип, будучи Ловеллом, поступил и прошел сквозь Гротон и Йель легко и ни о чем не думая. Терраде же пришлось испытать массу лишений, и лишь благодаря бог знает какому напряжению воли он поступил в Гарвардский университет, где, по всей вероятности, был лучшим за всю историю Америки студентом. И это с драными башмаками и куцыми рубашками, потому что его сестра отрезала что можно снизу, чтобы заменить протертые воротнички.

— Но ведь такие контрасты бывают всюду.

— Возможно. Но в Соединенных Штатах это определяет отношение человека к самому себе на протяжении дальнейшей жизни,

так же, как и то, куда пойдешь и кем будешь. Когда Пип закончил учебу и решил возвратиться в Китай, он просто обратился в одно из многих американских благотворительных заведений, действовавших в той стране. И это все, что от него требовалось, хотя США еще не вышли тогда из депрессии и с работой было туго. Но посмотри, что случилось с Террадой. Он хотел стать журналистом, но его, к дверям близко не подпустили. Поэтому он отправился в Россию на какой-то допотопной посудине с грузом зерна и при этом чуть не угодил на тот свет.

— Он был коммунистом?

— Наверно, был. Он хотел быть свидетелем «великого эксперимента». Он мог изъясняться по-русски, так как дома у него говорили только на словацком языке, который близок к русскому. В Москве он получил работу в туристическом агентстве и попутно подбрасывал информацию одному парню из Юнайтед Пресс или Ассошиэйтед Пресс и стал для него как бы стрингером¹. Года два спустя он возвратился в Соединенные Штаты и написал ту самую книгу, где низвел с пьедестала сам «великий эксперимент» и больше к этому не возвращался. Но потом он пошел в гору, а когда такие парни, как Лестер и Пип, вдруг оказываются вместе, получается то, что получилось... Происходит взаимодействие двух американских характеров.

Меня это удовлетворило лишь отчасти.

— Но между ними нет ничего общего, и вы до сих пор не объяснили, как им удается с этим справиться.

Верт встал и уставился в окно, за которым летели первые снежинки, оседавшие на кончике шпиля церкви святого Николаса, находившейся прямо под нами. У Верта была своеобразная привычка подергивать сутулыми плечами, что, в общем, как-то гармонировало и с его усатым лицом и с самой манерой разговаривать.

— Я все это время пытался тебе объяснить: единственно общее, что имеют между собой Пип и Террада, — это то, что оба они американцы. Он движением руки остановил мои дальнейшие расспросы.

— Это все, что я могу тебе сказать, Кит. Хочешь узнать детали — разбирайся сам.

Если бы я серьезно решил заняться расследованием обстоятельств их жизни, я бы так и поступил. Но серьезно меня этот вопрос не интересовал. Гораздо больше меня интриговала в то время Джуди, или, вернее, тот возникший с ее помощью треугольник, из-за которого их дружба представлялась в несколько ином ракурсе.

Я думаю, мне следовало бы сразу сообразить, на кого из двух делала ставку Джуди, но я их мало еще знал, и все прояснилось позднее. У Джуди была богатая тетка, владевшая большой загородной

¹ Нештатный корреспондент.

усадебой в Риджфорде, в штате Коннектикут. Однажды ноябрьским утром Джуди появилась в дверях нашей комнаты и позвала нас всех туда на субботу и воскресенье. Мы колебались недолго, прежде чем согласиться, и в пятницу уже мчались в Коннектикут на ее «форде».

Там было два дома: один — для тетушки Фелис, другой — для ее гостей. Тетушкины владения выглядели как старинное родовое поместье, но, как заметил Пип много лет спустя, когда я ему напомнил об этих прелестных домах и окружавшей их природе, «все это было куплено за деньги». Как бы там ни было, богатством здесь не кичились, хотя на меня и произвела впечатление их частная бензоколонка возле большой конюшни. Казалось, будто бензин качают прямо из-под земли.

Ни Пип, ни Терада не умели ездить верхом. Но я умел и любил. И в то время, когда вся компания сидела в удобной гостиной, где им прислуживали негр-дворецкий и его жена, я скакал по вытоптаным до меня сотнями гостей тропинкам, пролежавшим по этим коннектикутским холмам, слегка припорошенным снегом. Возвратился я в пять часов вечера и принял горячий душ. Остальные пили martini и ждали меня. Мы собирались навестить одного из самых известных по тем временам журналистов, Марина Поплара, дом которого находился за ближайшими холмами. Когда мы были уже на узкой проселочной дороге в большом «паккарде» тетушки Фелис, который вела маленькая Джуди, Пип прошептал мне на ухо:

— Ты учти, Кит, здесь, в этих краях, обитают ярые сторонники лозунга «Америка прежде всего». Так будь же осторожен. Этот малый, Поплар, не любит англичан, а Рузвельта и профсоюзы ненавидит, поэтому, если возникнет спор на политические темы, говори о том, в чем разбираешься.

— Я никогда не спорю о политике.

— Но здесь, возможно, тебе придется, — сказал он.

У Марина Поплара был старый фермерский дом с пристроенным к нему сараем. И первое, что сделала встретившая нас миссис Поплар, она повела нас троих (без Джуди) к этому белому сараю, раньше служившему складом, где теперь находились письменные столы, стеллажи для досье, пишущие машинки, телекс, большой потолочный вентилятор и мягкий войлочный ковер.

— Здесь он теперь работает, — почти благоговейным шепотом произнесла миссис Поплар.

Я уже хотел спросить, а кто это «он», но Пип меня опередил... «Неужели здесь, черт побери!» — И в его голосе я уловил знакомый мне оттенок иронии.

Все застланное ковром помещение размером пятьдесят на тридцать футов было заставлено ровными рядами стеллажей с досье. Их было, наверное, несколько сот, этих папок.

— Значит, вот какова его система работы! — сказал Террада своим внушительным голосом.

— Далеко не всех пускают сюда, — обратилась миссис Поплар к Терраде, — но мы решили, что вам будет интересно побывать здесь.

— Это действительно так, — ответил Террада, явно находившийся под большим впечатлением. Пип мне позже сказал, что, проходя вдоль этих рядов, он увидел на папках имена почти всех профсоюзных лидеров США и всех наиболее важных деятелей из администрации Рузвельта.

Когда Пип вернулся после своего обследования стеллажей (ни я, ни Террада не посмели последовать за ним), нас провели в дом, где Марин Поплар размещивал картины длинной стеклянной ложкой в большом кувшине.

— Мамочка, у тебя из-под юбки что-то торчит, — бросил он своей пухленькой приятной жене, которая немного страдала одышкой.

Миссис Поплар обернулась и посмотрела на подол платья. Из-под него на дюйм выглядывала комбинация. Одернув свое платье из джерси, она повела нас знакомиться с другими гостями, которых развлекали дочери Поплара и Джуди.

Хоть я и знал, что делает, говорит и думает эта «Америка прежде всего», я имел еще недостаточное представление об американской политике, и на меня малое впечатление произвели такие услышанные мною в тот день имена, как Кийз Сэнфорд, знаменитый юрист, работавший для различных корпораций, Роберт Баннерман, владелец рекламного агентства «Баннерман и Брюс», и молодой человек по имени Моран, похожий на студента колледжа, но уже имевший славу известного адвоката. Я не могу почти ничего сказать по поводу Морана, потому что я его как следует не помню, но Сэнфорд и Баннерман выглядели пожилыми, определившимися, преуспевающими и где-то чем-то опечаленными американскими бизнесменами. Они никогда не повышали голоса и вели себя в отношении меня, человека им чуждого, молодого и англичанина, безусловно. Так что я воспринимал их такими, какими видел.

Кийз Сэнфорд, юрист, был однажды губернатором-либералом одного из штатов Новой Англии и оказывал поддержку Франклину Д. Рузвельту, когда тот был губернатором Нью-Йорка, выступавшим против президента Гувера. Но сейчас Сэнфорд презирал Рузвельта и считался фигурой трагической из-за того, что он постепенно терял голос вследствие какой-то болезни горла. Он говорил почти шепотом. Баннерман тоже носил на себе печать несчастья — его единственный сын покончил с собой, выпрыгнув из маленького самолета без парашюта. Но в отличие от Сэнфорда Баннерман был республиканцем всю свою жизнь. Что в нем было любопытное, так это предпринятая им знаменитая рекламная кампания тридцатых годов с целью убедить американцев, что некоторые видные деятели из американской истории

были на самом деле перевоплощением христианских апостолов и их учеников. Среди них Томас Джефферсон (святой Марк), Джордж Вашингтон (святой Матвей), Александр Гамильтон (святой Лука) и Роберт Ли (святой Иоанн). Джеймс Гордон Беннет воплощал святого Павла и Томас Эдисон — святого Петра. Более того, святые угодники возрождаются снова и снова в современном обличье. Уильям Дженнингс Брайан, например, мог бы, по его мнению, быть воплощением святого Павла или наоборот.

Я не верил, что Баннерман затеял эту кампанию не в качестве шутки. Но Пип утверждал, что все это было вполне серьезно, и отметил, что Баннерман столь же серьезно подходит к своей теории с апостолами, как и Брюс Barton со своей версией об Иисусе Христе, изложенной в его книге «Человек, которого никто не знает». Иисус описывается там как основатель всего современного бизнеса, поскольку он подобрал двенадцать человек из числа тех, кто находился в последних рядах коммерции, и создал из них такую силу, которая завоевала весь мир.

Я почти не помню их — этих слабоголых, тихих людей, как не могу вспомнить и их жен. Но после того ноябрьского вечера мне всегда казалось, что эти коннектикутские холмы стали как бы «страной Терады». Было ясно, что Терада пришелся этим людям очень по душе, они с удовольствием слушали его и разговаривали с ним. Это была его ночь, и именно так и задумала это Джуди. Она сидела, откинувшись в большом кресле, и наблюдала за представлением, разыгрываемым этим переродившимся коммунистом, обличителем «великого эксперимента». Она улыбалась кошачьей улыбкой, в то время как голос старозаветного пророка вещал им о том, что правильно и неправильно в этом мире — в смысле политическом, а не моральном.

Естественно, они говорили и об Америке. Хотя по соображениям вежливости, считаясь с тем, что я англичанин, тема Америки звучала несколько иначе. Тема «Америка прежде всего» или «Америка полковника Линдберга» (их Америка) не затрагивалась. Говорили об Америке Торстейна Веблена, книга которого «Теоретические основы существования праздного класса» имела целью убедить американцев прежнего поколения, что все эти хапуги-грабители XIX века, действовавшие в сфере железнодорожного бизнеса, земельных участков, шахт или коммерческой биржи, символизировали свой классовый облик и служили службу своей стране благодаря вульгарным разгулам и растрачиванию своих богатств.

Терада с отрешенным взглядом говорил, что Америка будет всегда в состоянии найти место для любых излишеств, так же как и для любых форм бедности и нищеты, ибо дело в действительности состоит не в том, что отдельные лица делают со своими деньгами, но в том, ущемляют ли они права других людей, когда разбазаривают

свои богатства. Удовлетворение своих желаний, даже пусть напоказ всем и вся, не может ущемлять интересы личности в свободном обществе, где бедные люди пользуются совершенно теми же правами, что и богатые. В ответ на это Сэнфорд шепотом напомнил о деле в округе Сан-Матео в 1905 году с целью проиллюстрировать тезис о том, что имеется конституционная обоснованность для ограничения власти и права любого правительства вмешиваться в дела бизнеса, но, когда мы сели за полированный стол со свечами и хрустальными бокалами, чтобы начать ужин, Пип сказал:

— Ну, лично я всегда считал, что этот жулик Джей Гоулд является логическим порождением Джексона и Джефферсона, и сейчас вы все это подтвердили.

Это была одна из тех фраз, которые позднее использовал Террада в своих обвинениях против Пипа.

Я больше ничего не могу вспомнить об этом ужине. Мы все изрядно выпили. И мужчины и женщины захмелели, про политику забыли, и каждый остался наедине со своими собственными мыслями. Однако в этом сказалась еще одна характерная особенность, благодаря которой эти двое ухитрились перешагнуть через разделявшие их разногласия.

К этому надо добавить еще кое-что, задевшее их взаимоотношения косвенным путем. У Джуди была двоюродная сестра Эйми, которую она называла полулошадь-полуженщина. Впрочем, Эйми сама себя так называла. В действительности же она была полуробенком-полуженщиной. Мать и отец ее погибли во время внезапного горного обвала в национальном парке Редмонд. В воскресенье, когда погода разыгралась и начался довольно сильный снегопад, Эйми уговорила меня помочь ей отнести с кухни тетки Фелис на конюшню, находившуюся за домом, несколько ведер пойла для ее лошадей. Когда мы переливали пойло в корыто, Эйми спросила меня:

— О чем, собственно, Пип и Лестер спорили всю ночь?

— Я не имею ни малейшего представления, — ответил я. — Я и не знал, что они спорили.

— Они просидели внизу с полуночи до трех часов утра. Наверное, было что-то очень серьезное.

— Это их обычное занятие, — сказал я.

— Неужели они всегда так спорят?

— Почти всегда.

— Как же тогда они могут оставаться друзьями?

— Ах... — протянул я, наливая пойло в корыто, на котором было выжжено имя «Бьюти». — Это тайна, покрытая мраком, Эйми.

— Если кончится снегопад, я тебя поведу на прогулку, — сказала Эйми, вылив небрежно часть пойла мне на ногу. — Ты когда-нибудь ездил верхом по снегу?

— Ни разу. По крайней мере не по глубокому снегу.

— Вот что я скажу, Кит,— произнесла она тоном большого знатока лошадей.— Прежде всего забудь думать о себе. Думай только, что у лошади есть ноги. В снегу они вынуждены высоко их поднимать, а ваши движения должны совпадать с их ритмом. Именно в ритме все дело, иначе лошадь может переломать себе ноги.

— А как вела себя Джуди во время спора? — спросил я.

— Да, пожалуй, она просто сидела и слушала. Как ты думаешь, кого она в конце концов выберет?

— А разве она собирается делать выбор?

— Как будто ты не знаешь,— сказала она, больно толкнув меня локтем в ребра.

— А кого ты бы выбрала на месте Джуди? — спросил я, потирая бок.

Эйми чуть не подпрыгнула — так ей хотелось высказаться.

— Они для меня слишком стары,— с презрением сказала она.— Я терпеть не могу пожилых мужчин. Да и все равно кончится тем, что эти двое перестреляют друг друга. Вот таким образом.

Она зачерпнула рукой пригоршню теплого месива и швырнула мне прямо в грудь. Эйми страшно хотелось повозиться, и поскольку мне было двадцать три года и во мне зыграло чувство снисходительности взрослого, я также зачерпнул месива и залепил ей в шею. Она взвизгнула, как вислоухий щенок, снова схватила пригоршню из корыта и попыталась попасть мне в голову. Но я увернулся, и месиво попало в перегородку стойла. Я снова ответил и попал Эйми в правую грудь, и когда она вновь промахнулась, у нас начался настоящий бой, который продолжался до тех пор, пока лошади, которым тоже досталось, не начали брыкаться и фыркать. Тогда мы выскочили на улицу, продолжая биться снежками. К тому времени Эйми уже была в состоянии экстаза.

— Стой, Кит, стой! — закричала она, заметив в моей руке увесистый снежок.— Правда, было бы здорово, если бы все так и застыло навеки.

Она стояла в снегу в полусапожках и разорванных джинсах и тут же сунула мне за шиворот комок снега, и мы продолжали битву, пока оба не обессилели.

— О, боже мой... Пусть останется так навеки, навеки, навеки! — с радостью в голосе проговорила она и в счастливом блаженстве откинулась на большой сугроб.

С меня всего этого уже хватало, и мы собрались идти в дом, когда из боковой двери появился Лестер Террада и, на мгновение остановившись, взглянул в темное небо. Я не понял сначала, что Эйми делает, но затем увидел, как она выгребла из кармана куртки пригоршню лошадиного месива, хранимого для меня, и, прежде чем Террада успел увернуться, вlepила ему прямо в лицо. Месиво было

мягким и не могло причинить боли, и я думал, что Террада просто нагнется и отплатит ей увесистым снежком.

— Что же вы не вернулись? — крикнула Эйми, приготовившись к новому нападению.

Но Террада стоял как вкопанный, не в силах перенести такого потрясения и обиды. Я не мог решить, на кого он больше похож — на пухленького пай-мальчика, которого ударил хулиган-задира, или же на воплощение самой невинности, с которой поступили крайне несправедливо и она не может понять, за что.

— Кончай свои штучки, Эйми, — раздался голос Пипа, стучавшего сердито по окну.

Но тут в окно ударил снежок, и Пип, как мальчишка, выскочил из дома и толкнул Эйми в сугроб. Это все еще была игра. Но Террада с отсутствующим взглядом медленно вытер лицо носовым платком, повернулся и ушел в дом.

— Что с ним случилось? — спросила Эйми, продолжая осыпать Пипа снежками.

— Оставь его в покое, — сказал Пип, не прекращая снежного поединка с Эйми. — Он не любитель такого рода развлечений.

— Дерьмо, — заявила она.

Мы ей простили это крепкое слово, так как она любила лошадей и только что вернулась на свободу из заточения в Брин Моур, школы для благородных девиц, где такого рода вольности не дозволялись.

— Я серьезно говорю тебе, Эйми, — сказал Пип, — не дразни его. Он шуток не понимает.

Эйми с презрительной миной на лице повернулась и пошла в конюшню к своим лошадям. А через полчаса я уже слышал, как с ней ссорилась Джуди на кухне, и я подслушал, прильнув к окну.

— Пип был прав, — слышалась энергичная, четкая речь Джуди. — Лестер из категории людей, с которыми так не обращаются.

— Это почему же, что в нем особенного? — вызывающе парировала Эйми.

— Вовсе ничего. Но ты должна к нему относиться немного с большим уважением. Вот и все. Так что имей это в виду.

— А как же другие? — не унималась Эйми. — Ведь они не обиделись.

— Они люди совершенно другого плана. Лестер очень ранимый. А ты вела себя, как вульгарная богатая девчонка, ударившая пожилого человека.

— Боже мой, — жалобно простонала Эйми. — Я прекрасно знаю, что он в годах, но не старик же. Кит вон англичанин, и то не обиделся.

— Меня другие не интересуют, — упрямо продолжала Джуди. — Я за Лестера несу ответственность и не позволю ставить его в глупое положение. Это было непростительно с твоей стороны.

— Ну и пусть непростительно, — пожалала Эйми плечами. — Ты сама знаешь, куда я послала бы Лестера Терраду.

- Не будь пошлой!
- Ты собираешься за него замуж?
- Ох, замолчи ты ради бога.

Я отошел от окна, и так как делать было нечего, поскольку прошедший снегопад занес все дороги, изгороди и верховые тропы, я удобно устроился на диване с книгой под названием «Леонардо да Винчи и Лошадь». Остаток утра мы так и провели за чтением — кто где, за исключением Террады, который настолько расстроился, что лег снова в постель.

— Он в полном порядке,— объяснил Пип Джуди.— Ему просто нужно немного времени, чтобы прийти в себя.

— Черт побери эту девчонку!

Пип рассмеялся.

— Лестер никогда не знает, что его заденет, пока это не случится, после чего ему требуется время обдумать все до конца. До вечера он спустится вниз.

К обеду Террада спустился, а Пип и Джуди ухаживали за ним, как за раненой птицей, которой нужен уход и защита. Джуди по-матерински опекала его, всячески пыталась убажить, как бы извиняясь перед ним. Пип старался его развеселить, показывая, что ничего не произошло, и порой переигрывал в этом. Я решил, что мне тоже следует так себя вести, но тут Эйми, сидевшая рядом со мной на диване, ткнула меня локтем в бок и громким шепотом произнесла:

— Я больше не выдержу. Пойдем лучше на улицу, и я покажу, как надо ездить верхом по снегу.

— Пошли,— ответил я.

Я последовал за ней в конюшню. Мы почистили лошадей, оседлали их и направились к заваленным снегом воротам. За воротами перед нами простиралось огромное поле. Эйми перевела взор на склоны холма, покрытые иссиня-белым снегом, и, как ребенок, вздохнула.

— Бог мой! Сколько же они теряют,— сказала она.

— Кто теряет и что именно?

Она кивнула в сторону дома:

— Они. Они просто смешны.

— Кто именно? — поддразнивал я.

— Да вот эта троица. Этот маленький *menage a trois*¹.

Она дула на свои замерзшие руки и покусывала ногти. Прищурил глаза и готовясь прищипорить свою лошадь, она сказала куда-то вдаль:

— Все дело в том, что Пип носит имя Ловеллов, в то время как Террада — обычный простолоудин, и «вместе им никогда не сойтись». Ну, поехали.— Она прищипорила лошадь и крикнула: — Смотри за моими ногами и повтори все, что я делаю!

¹ Любовь втроем. (франц.).

В течение двух часов я повторял все, что делала Эйми, и лишь ночью, лежа в кровати, я понял, насколько трудно было сохранять в седле ритм движения лошади, все четыре ноги которой, словно поршни насосов, погружались и вытягивались из глубокого снега. Я почти не мог двигаться и заснул, лишь только голова коснулась подушки.

Среди ночи меня разбудила Эйми. Она была в пижаме.

— Ш-ш,— прошептала она, присев на кровать. Я привстал.— Это я.

— Что случилось?

— Я же говорила, что так будет. Джуди сейчас у Лестера в кровати. Я видела, как она входила в комнату еще несколько часов назад.

— И это все?

— Ш-ш! Я знала, что она выберет Лестера,— заявила Эйми,— у всех этих толстых мужиков из Пенсильвании секс сочится даже из шнурков от их ботинок. Но она, видно, абсолютная дура. Дура, Кит.

На мгновение мне показалось, что у Эйми самой есть что-то на уме, когда она прильнула ко мне,— такая молодая, самоуверенная и не боящаяся ничего. Но долго раздумывать мне об этом не пришлось, так как она ткнула меня коленкой в бок и сказала:

— Я же говорила, правда? Но я молила бы бога, чтобы вместо Террады это был Пип. Я не могу даже вынести мысли, что кто-то подобный Терраде станет злостью нашей семьи. Это как будто ходить по дому в запачканных грязью сапогах.

Я повернулся на бок и начал засыпать, а она, подоткнув мое одеяло, вздохнула надо мной по-детски восторженно и отправилась к себе.

Глава 4

Делать вид, что я ничего не знаю, поначалу было трудно. У Террады вдруг появилась какая-то стеснительность, будто его застали одного, когда он любовался на себя в зеркале. Он казался беспокойным и в понедельник в офисе провел немало времени, стоя у окна, задумчиво уставившись в утреннее небо. Потом в дверях появилась Джуди и спросила:

— Кто из вас, голубчики, пишет статью об авианосце «Арк Ройял»?

— Я пишу,— отозвался я. Этот британский авианосец был торпедирован немецкой подводной лодкой в Средиземном море, и Вертенбакер разрешил мне написать статью в самых, каких я только пожелаю, сочувственных тонах.

— Я занимаюсь этим вопросом,— сказала Джуди.— Если тебе понадобятся дополнительные сведения из Лондона и Вашингтона, скажи об этом поскорее.

— От морского эксперта в Вашингтоне ничего мне не нужно,— заявил я Джуди.— Так что можешь не беспокоиться.

— Ты что, решил быть своим собственным морским экспертом? — спросила она с некоторой долей ехидства.

— Да, черт побери,— заявил я, решительно давая понять, что она зашла слишком далеко.

Пип рассмеялся, и Джуди раздраженно сказала, что она передаст мне все, что имеет в досье, а там уж мое дело, как это использовать.

Я разговаривал с Джуди независимым тоном потому, что знал ее тайну. Я чувствовал свое превосходство. Ведь ничто не дает мужчине такого преимущества перед женщиной, как знание ее сокровенных, пусть даже не очень серьезных, слабостей.

— А ты, Лестер, чем занят? — спросила она с безразличным видом.

— Отступлением русских в Москве, — ответил он, краснея. Он так смутился, что мне его стало жалко. Глаза его забегали, он не знал, куда девать руки, и все время откашливался, словно это могло ему помочь.

— Тебе что-нибудь надо выпить от кашля,— сказала ему Джуди.— Ты явно простужен.

— Я совершенно здоров, — ответил он.

— Ты всех здесь заразишь, если не примешь меры, — продолжала она.

Я заметил, как выступили крупные капли пота на его пористых скулах, и глаза его стали мокрыми и холодными.

— Ты выглядишь ужасно,— сказала Джуди.

Он действительно выглядел ужасно. Ведь Джуди намеренно игнорировала то, что произошло между ними, и это задевало его мужское достоинство.

Я не мог понять, чего она добивается, и был в еще большем недоумении, когда она обратила свое внимание на Пипа.

— Кто пишет статью о Чунцине? Ты или Тедди Уайт? — обратилась она к нему, и на этот раз она выглядела, как классная дама, обращающаяся к своему любимому ученику с просьбой ответить заданный урок.

— Тедди пишет. Я освещаю японскую миссию в Берлине.

— Это у Кэрол,— сказала Джуди. В справочной была еще целая дюжина других девиц — всяких там Кэрол, Ингрид, и Джоун, и Джудит, и Эстер, и Хильдегард.— Но если хочешь, я займусь этой темой,— продолжала она.

— Было бы неплохо,— сказал Пип.— Ты же сама и напишешь большую часть статьи.

Пип с трудом приспособлялся к стилю «Тайма». Строго говоря, он вообще не любил писать, как требовалось, так как он в действительности предпочитал (по словам Верта) описывать события, ситуации, а не заниматься сухими информационными материалами.

— О'кэй,— сказала она.— Я договорюсь с Кэрол, а ты поведешь меня обедать.

Меня с ними не было, и все это мне потом, гораздо позже, рассказал Пип, с горечью вспоминая те месяцы 1941 года, которые во многом определили его дальнейшую судьбу.

Лестер остался на работе, а я с Тедди Уайтом и с Сэмом Солтом, которые не переставали меня просвещать, отправился к Шрафту на 42-ю улицу перехватить несколько сэндвичей.

— Старина Шрафт, — пояснил мне Сэм, — является, по сути дела, изобретателем американского желудка.

Пока я поглощал нечто втиснутое между двумя кусками поджаренного хлеба и приправленное горчицей и маринованными огурцами, Джуди вела Пипа в итальянский ресторан на Седьмой авеню. Когда он рассказывал мне об этом обеде, он подчеркнул, что именно там он впервые заметил, насколько выразительным стало лицо Джуди, если в него внимательно всмотреться вблизи.

— Я всегда находил его достаточно выразительным, — сказал я ему. — Своеобразное маленькое личико, очень упрямая, аккуратенькая мордашка.

— Ну ладно, ладно. Но в ней было что-то, что нельзя было уловить, когда она находилась в конторе или среди других людей. Я просидел с ней вдвоем в течение двух часов в нашей кабинке — они тогда еще существовали в ресторанах Нью-Йорка — и хорошо рассмотрел ее. Под конец обеда я был покорен.

— Чем? — спросил я.

— Бог его знает, — ответил Пип. — Может быть, ее характером. В ней было что-то свое, Кит. Всегда она напоминала собачку, зарывающую кость. Но в тот день я увидел ее в совершенно другом свете и удивился, насколько она привлекательна. Она будто ожила. Она даже казалась красивой, если внимательно разглядывать все черты ее лица в отдельности и вблизи. Лишь в целом и на расстоянии оно казалось угловатым. Может быть, если я пригляделся бы к ней в тот день повнимательнее, мне удалось бы обнаружить ее жесткий характер под нежной кожей. Но прозрел я лишь года два спустя, когда было уже поздно и ничего нельзя было поделать.

Джуди сказала тогда Пипу, что она очень за него беспокоится.

— Ты подрываешь свою репутацию, когда так отчаянно доказываешь Люсу, что именно коммунисты оказывают сильное влияние на крестьянство в Китае. В твоих словах сквозит предвзятость, Пип. Ты терешь объективность.

Произошло еще одно событие, которому я не был свидетелем, — это то самое заседание редколлегии, которое вел Люс. Джуди как старший референт справочного отдела была на нем. Пип и Люс спорили не столько о влиянии коммунистов в Китае, сколько об эффективности политики, проводимой Чан Кай-ши, который, как считали, в конечном итоге должен спасти Китай. (Заседание это состоялось всего лишь за неделю до нападения на Пирл-Харбор.) Пип

говорил, что Чан Кай-ши опирается лишь на армию, крупных банкиров, продажную прослойку средней буржуазии и на любую иностранную поддержку, которую он использует в своих собственных интересах.

— Таков сценарий, — сказал Пип, — и только так мы должны все это воспринимать.

Только так пришлось воспринимать все и самому Пипу, когда этот разговор был изложен перед Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности.

Люс доказывал, что генералиссимус стоит выше всяких партий и неподкупен, что именно исходя из этого мы (имелись в виду сами США, а также «Тайм» и «Лайф») будем вести с ним дела. Нет никаких сомнений в мотивах, которыми Чан Кай-ши руководствуется.

— Но если и будут какие-либо отклонения, — сказал Люс, — мы наставим его на путь истинный.

— Каким же образом? — не унимался Пип.

Но Пип ничего не добился в тот день, и Джуди пыталась его в этом убедить.

— Ты все время выводешь мистера Люса из себя, — предупреждала она.

— Боже мой, — отвечал Пип. — Хэнк прекрасно все понимает. Это наш извечный спор, но с каждым разом он становится все примитивнее, и это начинает меня все больше раздражать.

— Так зачем затевать этот спор? — спросила Джуди.

— Потому что я прав, а он нет.

— Но ведь это бесполезно, так что в следующий раз я заставлю тебя замолчать.

— Неужели? — рассмеялся Пип.

— Вот посмотришь.

— Ты что — решила спасти меня от самого себя? — поддразнивал Пип.

— Возможно, я сделаю это целью своей жизни, — сказала она, когда они шагали назад к 49-й улице по переулкам, заставленным картонками с мусором и пустыми такси. По дороге она уже приступила к своим обязанностям.

— Что тебе нужно — это иметь кого-то, кто бы постоянно напоминал, что по мыслям твоим и по словам твоим будут тебя судить в этом мире.

— А почему это должно меня волновать?!

— Не всем понятны твои побуждения, Пип, и каждый раз, как ты открываешь свой рот, тебе об этом надо помнить. Потому что в один прекрасный день кто-нибудь использует все твои высказывания против тебя же.

— А, все это дерьмо! — сказал Пип, который редко так выражался в присутствии женщины.

Но все-таки ему льстило, что Джуди взяла его под свое крылышко. По сути дела и тут присутствовал элемент секса, и я заметил это, когда, возвратившись с прогулки, она появилась в дверях нашей комнаты, чтобы разыграть еще одну маленькую трогательную сценку.

— О, Пип...— нежным голосом произнесла она, будто ей что-то вдруг понадобилось сказать ему наедине. Терраду она игнорировала.

— В чем дело, Джуди?

— Ты получил сообщение о генерале Стилуэлле?

— Да, вчера. Оно где-то здесь.

— Не очень верь этому сообщению агентства.

— О'кэй.

Она еще несколько раз появлялась с советами и новостями, продолжая игнорировать Терраду. И я уже ожидал, что у него появятся признаки ревности. Он же, напротив, искренне недоумевал. Никакой враждебности к Пипу он не проявлял и поведение Джуди не ставил ему в вину. Но теперь, когда Джуди пускала в ход все свои женские чары, Лестер оказался в полной растерянности. Видимо, он ожидал, что его подругу уведут, и считал, что не имеет никакого права рассчитывать на что-либо иное. Он смирился с этой неизбежностью. Это, мне кажется, и раздражало Джуди, и она становилась все более благосклонной к Пипу. В общем, в конце рабочего дня она опять появилась у нас и пригласила Пипа на уик-энд в Коннектикут.

— А почему бы и не съездить? — произнес Пип, все еще находясь под чарами своего нового открытия; он опять видел ее лицо совсем близко, когда оно становилось привлекательным.

Пип провел уик-энд наедине с Джуди, если не считать присутствия Эйми и ее лошадей. Эйми обо всем мне и рассказала.

— Американки,— говорила она,— я имею в виду американок в возрасте Джуди, пытаются относиться к мужчинам, как к непослушным детям. Было тошно смотреть, как она им командует и опекает его. И в то же время она навязывалась ему. Это было отвратительно.

— Не преувеличивай,— вступился я. Мы сидели в ресторане Глочестер Инн на 51-й улице, улетая за обе щеки.

— Честное слово, Кит, я не преувеличиваю. Они приехали в субботу, и Джуди ни на шаг его от себя не отпускала. Знаешь, мне почти удалось усадить его на лошадь. Но она запретила ему. Пипу хотелось попробовать покататься верхом. Но она заявила, что, если он свернет себе шею, ее замучает совесть. А погода такова (как раз опять началась дикая оттепель), что она будет ужасно нервничать. Если ему дорого ее душевное спокойствие, он к лошади и близко не подойдет, даже чтобы погладить ей уши.

— Так он и не подошел?

— Он-то подошел. В том-то и дело. Я сказала, что присмотрю за ним и что мы должны держаться гравиевой дорожки. Он взобрался на

старую Минджулипу — это та самая кобыла, которая не сделает ни одного неверного шага, — фактически он самостоятельно влез в седло, и мы уже были на пути к воротам, когда Джуди, выскочив из дома, подбжала и вцепилась в уздечку: «Слезь ты, ради бога, Пип. Ты просто смехотворно выглядишь в седле. Просто смехотворно!»

Тут Эйми рассмеялась:

— Вообще-то он действительно выглядел смешно. Он был похож на Харпо Маркса из известной книги, который вот-вот грохнется на землю. Но, бьюсь об заклад, он усидел бы, если бы отцепилась Джуди.

— И что же было дальше?

— Тут она опять пустила в ход свои женские штучки и стала проявлять заботливость: «Пожалуйста, Пип, я прошу тебя, слезь». Она вела себя просто неприлично. Точь-в-точь, как ее мать. А ты ведь знаешь, что порой вытворяла ее мать.

— Нет, не знаю. Но что же сделал Пип? — спросил я.

— Ничего. Он смотрел на меня, будто я должна была вступить за него. Иногда он очень беспомощный, верно?

— Бывает иногда.

— Не выношу спорить с Джуди — она ведь по-настоящему не спорит. Просто выводит из себя и потом все время подкалывает. И все, что я могла сказать тогда Пипу, — пошли ты ее, ради бога, ко всем чертям.

— Отличный и тактичный совет, которому он, конечно, не последовал.

— Да что об этом говорить! Пип знал: не спрыгни он с этой кобылы, Джуди тут же прыгнула бы в свой «форд» и, бросив его, укатила бы в Нью-Йорк.

— Она бы никогда этого не сделала.

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю Джуди.

— Это так кажется, — сказала Эйми. — Она всегда ставит ультиматумы, хотя чаще всего делает это молча. Ты знаешь такого рода женщин. Им всего лишь стоит топнуть ножкой и заявить, что никогда не простят обидчика... Как я их ненавижу!

Я рассмеялся, но Эйми была расстроена.

— Тебе хорошо смеяться. Тебя старуха Джуди еще не взяла в оборот. — И, ткнув в мою сторону вилкой, добавила: — Подожди: когда она сделает это, ты меня еще вспомнишь.

— Ну, уж этому не бывать! — сказал я самоуверенно.

— Ты думаешь, она и тебя не попытается окрутить? Ты так думаешь?

— Я в этом уверен.

— На что поспорим?

— Я вообще не спорю, особенно когда дело касается секса и женщин.

— Как бы там ни было, но она заставила его слезть с лошади, а через полчаса у них произошла бурная сцена из-за Террады. Но потом они помирились и уехали ужинать в ресторан на другой конец Риджфорда. Но ты ведь знаешь, что случилось в ту ночь.

— Нет, не знаю, и ради бога, не выдавай ты мне всю историю сериями. Просто рассказывай.

— А я тебе и рассказываю. И вообще я брожу по ночам, — сказала она, уплетая кусок пирога с черникой. — Это еще в школе началось, когда старшие девчонки устраивали на младших налеты, прыгали к нам на кровать и били коленом в живот. До сих пор иногда просыпаюсь по ночам, поброжу, порадуюсь, что никто больше не ткнет меня коленом в живот. Вот так я проснулась и увидела, как Джуди вошла тогда к Лестеру в комнату. С Пипом все было как под копирку. Та же спальня, та же кровать. Ты представляешь себе это, Кит? Она в точности повторила всю сцену и в том же самом месте, но с другим мужчиной.

— Но слушай, Эйми, откуда ты знаешь?

— Потому что слышала, как они разговаривали, и Джуди вышла оттуда на рассвете. Все повторилось, говорю я тебе. Ты представляешь себе — как животные.

Я не знал, что ей сказать. Я все-таки считал Джуди и Пипа и даже Терраду своими друзьями. Я должен был заступиться даже перед Эйми.

— У Джуди, наверное, есть какие-то планы, — неубедительно произнес я.

— Заполучить Пипа — именно это и входит в ее планы.

— Ты ведь сама говорила, что отдаешь предпочтение Пипу, а не Терраде. Так на что же ты жалуешься?

— Пип слишком хорош для нее, да и все равно, нельзя себя так вести.

От негодования Эйми казалась разгоряченной и расстроенной.

— Люди не должны заниматься сексом до свадьбы, и они не должны это делать, когда в доме присутствуют другие люди.

— Черт возьми! — воскликнул я. — Да ты реакционерка!

— Не собираешься ли ты сказать мне, что Джуди права? — спросила она.

— Я никогда не берусь судить других, — ответил я.

— Я это знаю. Ты просто сидишь и наблюдаешь. Правда? Ты на всех смотришь со стороны, будто ничто тебя не касается.

Я покраснел. Если она и дальше станет делать подобные выводы, она может докопаться до тех тщательно оберегаемых мною секретов, на которых я построил свою теорию выживания.

— Во всяком случае, — сказал я, — я полагаю, что, будучи такой любительницей лошадей, ты должна бы естественнее относиться к сексу.

— Я так и отношусь, когда это касается лошадей! Но даже и у лошадей это выглядит ужасно и вызывает отвращение.

Я рассмеялся.

— Смейся, если хочешь, Кит, — сказала она с набитым ртом, аппетитно прожевывая пирог.

К этому времени она проглотила ужин из четырех блюд, включавший и крабов, и омара, и салаты, и мороженое. Закончила она шоколадом и кофе. Я за ней наблюдал. Эйми нельзя было назвать хорошенькой, но в будущем она обещала стать красавицей, хотя сейчас одевалась несколько старомодно и казалась неуклюжей и какой-то незавершенной. Губная помада совсем ей не шла. Ее рыжеватые волосы были туго стянуты сзади и перехвачены голубой лентой. А я сидел и думал, когда же она обратит внимание на саму себя и увидит, что она собою представляет в действительности.

Может быть, уже тогда начался этот процесс неодолимого духовного опустошения, который в итоге привел Эйми к ее трагическому концу.

Но в то время она еще напоминала только что распустившийся бутон. Когда я был готов расплатиться и снова вернуться на 49-ю улицу, она наклонилась ко мне через стол и спросила:

— А ты знаешь, что сделал Пип на следующее утро в воскресенье?

— Извинился за свое непристойное поведение? — сострил я.

— Нет, я серьезно говорю, — сказала она. — Он слышал, как я выводила на прогулку жеребца, и подбежал ко мне. «Подожди, — сказал он, — я пойду с тобой».

— Значит, тебе удалось, наконец, посадить его на лошадь? — спросил я с нетерпением. Мне хотелось скорей покончить с этим разговором и уйти.

— Нет, я ответила, что не хочу, чтобы он ходил со мной. Никогда! Потом я ему сказала, что Лестер и Джуди лежали вместе в той же самой постели, что и он.

— Неужели ты ему и вправду это сказала?

— Тогда сказала. Так ей и надо, этой Джуди, как, впрочем, и Пипу.

Я даже выронил деньги, которые приготовил для официанта.

— А что сделал Пип? — спросил я, пытаясь рукой разыскать под столом деньги. — Дал тебе хорошую затрепину?

— Он просто мне сказал таким спесивым тоном, который у него иногда появляется: ты, мол, не должна была мне об этом говорить, Эйми. Ну, а я спросила: почему бы и нет? «Потому, что это чертовски бестактно, — говорит он. — А во-вторых, Джуди самой надо было предоставить слово». Ну, а я тут ему говорю: «Ты с ума сошел? Она никогда бы тебе не призналась». А он все свое: «Быть может, и не призналась бы, но это ее право, а не твое». Ну, а я дико возмутилась и ускакала.

— Не дай бог, он расскажет об этом Джуди, — сказал я.
— А зачем ему говорить ей?
— А вдруг скажет?
— А мне что до этого?
— А то, что она растерзает тебя на мелкие кусочки, а потом потратит годы, чтобы растереть их в порошок.
— Она ведь тебе не нравится, не так ли?
— Совсем не так. Но я знаю, что она из себя представляет.
— Пип ей ничего не скажет.
— Ты уверена?
— Он сам мне сказал это. Ты знаешь, что он сделал, когда я приехала?

Я уже привык к ее манере разговора и терпеливо ждал продолжения.

— Он сел со мной завтракать на кухне и рассказал про свою жизнь. Я всегда считала, что отец его миссионер, а это как-то не вязалось с семейством Ловеллов. Пип сказал, что религиозной была его мать. Его отец исколесил весь Китай, и мать пыталась превратить идолопоклонников в христиан. Он говорил, что она ненавидела китайцев и тратила все свое время и энергию, чтобы заставить их перестать быть китайцами. Отцу же они нравились, и он никогда не пытался их учить. Он убеждал Пипа самому поучиться у них, в особенности их уважению и почтению к божественным силам, всей системе верований, несравненно лучшей, чем христианское смирение. Подумай только, мать заставляла его учить китайский. Пип с отцом говорили на этом языке, как сами китайцы, в то время как мать говорила языком пишущей машинки.

— Не слишком ли сурово он судит мать? — сказал я.

— Я так ему и сказала, но он не согласился, он говорит: она была замечательной женщиной во всем, но только не в качестве миссионера. Когда она вернулась из Китая и вновь сделалась американкой, она опять стала мягкой, заботливой женщиной. А его отец тосковал по Китаю в их доме в Бруклине, в штате Массачусетс. В конце концов два года назад он отправился в Китай один в своем старом полотняном костюме и вскоре умер. И от чего он, ты думаешь, умер?

— От проказы? От чего-нибудь страшного? От разбитого сердца?

— Нет, от ветрянки.

— Как это случилось?

— Просто он ее запустил, и произошло отравление организма. Никто не успел толком опомниться, как он умер. И Пип сказал, что гроб с его телом был доставлен на пароходе «Марипоза» через Гавайи и затем кремирован в Бостоне, а пепел развеян по реке. Я не верю ни одному слову.

— А я верю. Именно это и сделал бы Пип.

По дороге назад, проходя через Рокфеллеровский центр, я сказал Эйми:

— Ты знаешь, что в этой истории самое поразительное?

— Да, знаю. Но ты мне все равно скажи.

— Сам факт, что Пип тебе обо всем этом рассказал. С Джуди он никогда бы не поделился. Да и вообще, думаю, ни с кем. Так что ты можешь этим гордиться!

— Я просто сидела и слушала,— сказала она и взяла меня под руку.— Как ты думаешь, почему он выбрал именно меня?

— А кто его знает? — ответил я.

Но я знал почему. Пип видел в ней то же, что и я. Он говорил с простой, неискушенной американской девушкой, которая сама не подозревала, насколько она восприимчива, добропорядочна и честна. Когда мы уже собирались проститься у стеклянных дверей здания, где размещалась моя редакция, она сжала мою руку и вопрошающе произнесла:

— Ведь ты не хотел бы, чтобы и я была такой же, правда, Кит?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну как тебе сказать... Ты не стал бы так грубо... Ведь правда?

Мне следовало бы или откинуть локон с ее лба, или потрепать ее упругие щеки, либо сказать что-либо ласковое и приятное. Но с Эйми я так поступить не мог. Я даже не мог рассмеяться.

— Нет, Эйми, с тобой я так бы не смог.

— Я так и думала,— сказала она, вздохнув. И потом засмеялась.— Все равно мы выглядели бы ужасно глупо, не так ли? — И она ушла, помахав мне рукой. А я смотрел ей вслед на ее перекрученные чулки, на ее еще по-детски пухлый зад...

Я смотрел на нее, пока она не скрылась, и до сих пор я думаю, что, может быть, она была бы жива и сейчас, скажи я ей тогда «да» и если бы я бережно сорвал этот цветок, проявив исключительную нежность и чуткость, чтобы она почувствовала и удовольствие и красоту в самом этом акте, а не боль и грубость, не то, что сделало ее жизнь в дальнейшем столь несчастной и что привело ее к печальному концу.

Глава 5

Но вот пришел и мой черед. Почему Джуди взялась за меня, до сих пор остается загадкой. Она, наверно, хотела доказать свое женское превосходство над мужским полом, утвердить свое право, как это было при матриархате, выбирать из племени одного или всех сразу. Как бы там ни было, но чтобы выбрать одного из нас, она должна была перепробовать всех троих. Во вторник кто-то слегка дотронулся до моего плеча, и, подняв голову, я встретился с ласковым взглядом зеленых глаз Джуди, цвета которых я раньше и не замечал.

— Эйми хотела бы поехать на прогулку верхом в воскресенье,— сказала она.— Хочешь, поедem в субботу днем?

До сих пор я испытывал чувство превосходства над этой троицей. Я мог позволить себе наблюдать их со стороны с легкой циничной улыбкой: как это забавно!

— Ну так как же? — Ее пальцы очень нежно массировали мое плечо.

— Хорошо, согласен. — Я не мог подавить искушения выяснить, что она делает и как она это делает.

Мне доставляло удовольствие поразмышлять о том, как я буду вести себя с ней, хотя мысли мои в еще большей степени были прикованы к Пипу и Терраде и их проблемам, ибо сейчас между ними назревал конфликт по конкретным вопросам, касающимся войны. На этот раз речь шла уже не о России или Китае, а о самих Соединенных Штатах и о том, куда их заведет собственная политика.

В начале декабря, за две недели до Пирл-Харбора, Рузвельт убедил конгресс внести поправку в закон о нейтралитете с тем, чтобы вооружить торговый флот США, снабжавший Англию. Пип швырнул на мой стол сорванный с телетайпа лист с сообщением агентства АП и сказал:

— Это не так уж много, Кит, но, слава богу, это шаг в правильном направлении.

Террада поднял голову и прорычал:

— Ты решительно хочешь, чтобы нас втянули в эту проклятую войну, не так ли?

— Конечно, — небрежно бросил Пип.

Террада отнесся ко всему вполне серьезно. Он сказал Пипу, что он, Пип, и Рузвельт — оба собираются плыть против хода исторических событий. Давление президента на конгресс с тем, чтобы вовлечь американские корабли в военные действия, является в действительности денонсацией первичной декларации о нейтралитете с 1793 года и противоречит традиционной политике, изложенной в Прощальном обращении Вашингтона в 1796 году, в котором он ясно и недвусмысленно заявил, что американцы должны держаться в стороне от чужих дел и что всякий, кто суется в дела других стран, является глупцом и простофилей.

— И ты великолепно знаешь, что произойдет, если президент снабдит пушками наши торговые корабли, — произнес Террада.

— Можешь делать ставку, — снова повторил Пип.

— Какой-нибудь полоумный палец с корабля в немецкую подводную лодку, — произнес Террада, — и мы окажемся втянутыми в войну на следующий день. Это как раз то, на что нацелился президент.

— Чепуха и глупость, — ответил Пип.

— А я тебе говорю, что это и есть политика вмешательства, и это негодная политика.

Террада настаивал на своем, и они продолжали спор, используя весь свой запас эрудиции относительно американской политики в вопросе «за» или «против» вмешательства в дела других государств. Террада цитировал каждого президента, начиная с Вашингтона и Джефферсона, приводил цитаты из декларации о неприсоединении, чтобы доказать, что политика изоляции и нейтралитета была правильной политикой. Пип, в свою очередь, доказывал, что каждый президент со времен Вашингтона и Джефферсона неизбежно вступал в различного рода соглашения с другими странами, принимал участие в войнах и вмешивался в дела других, особенно это касается Адамса, Гранта, Полка, Тедди Рузвельта и Вудро Вильсона.

Схватка была острой, но через полчаса они переключились на меня, подзуживая по поводу тех двух дней, которые мне предстояло провести в обществе Эйми. У меня хватило здравого смысла не обращать на это внимания и никак не реагировать. Скоро им это надоело. Я уже было добросовестно принялся за статью о прорыве армии Роммеля в Тобруке, когда Пип поманил меня из коридора. Мы завернули за угол к автомату с кока-колой, и Пип, прислонившись к стене, заговорил:

— Отвратная история произошла вчера вечером, Кит, и ты никогда не догадаешься, какая именно.

— Полагаю, что нет, — сказал я и подумал, что это, наверно, касается Джуди.

— Поздно вечером ко мне явились два агента ФБР, — сказал он.

— На что ты им нужен, Пип? — засмеялся я. — За твою приверженность к британцам?

Но Пип был серьезен.

— Нет, они пришли не ради меня. Их интересовал Лестер. Это такая чертовщина, что я не знаю, что и подумать.

— Ты хочешь сказать, что они в чем-то его подозревают?

— Я не знаю, но они явно его проверяют.

— Хорошенькие дела!

Пип так саданул по автомату, что он выпустил золотистую струйку кока-колы.

— Ненавижу эту тайную полицию, — произнес он, — ни свою, ни чужую,

— Как и все мы, — ответил я. — Но что им было нужно?

— Хотели знать о его позиции. Что означает, черт побери, это слово «позиция»? — сказал Пип. — Они хотели знать, с кем он дружит, и неизвестно ли мне — они так и спросили, — есть ли у него до сих пор личные контакты с кем-нибудь из русских.

— Русских?

— Да. Они даже напомнили мне, что он почти два года провел там.

— А как же его книга — громометательное библейское ниспровержение всего, что связано с «Великим экспериментом»?

— Ребята оказались не такими уж глупыми, Кит, — сказал он. — Они сказали мне, что их больше интересует, что человек непосредственно делал, а не то, кем он хотел себя изобразить или что он написал. Их интересовали его связи и все прочее.

— Я полагаю, ты назвал Сэнфорда и Баннермана и всю коннектикутскую компанию?

— Я сказал им, чтобы они проваливали к черту. Я не собираюсь шпионить за Лестером.

Думаю, Пип и в самом деле хотел бы на этом завершить разговор, но я не унимался.

— Ты ведь не кончил. Что еще случилось?

— Ну что... Это были весьма приличные молодые люди с чистыми манжетами, стрижкой под ежик, очень выдержанные, и они говорили, что дело не в том, чтобы шпионить за Лестером, а в национальной безопасности.

— Господи, в чем же они его-то подозревают?

— Я сказал им, что Лестер считает себя самым добропорядочным американцем после Джорджа Вашингтона, и это все, что я собирался им сказать, и пошли они к черту.

— Молодец.

— Может быть, я и молодец, но эти типы сидели и говорили мне, что каждый истинный американец в чем-то считает себя Джорджем Вашингтоном. Они продолжали расспрашивать, а потом заинтересовались тобой.

— Мной? А я тут при чем?

— Они, вернее, интересовались тем же Лестером, а не тобой. Они хотели знать, насколько вы близкие друзья и не оказывал ли ты на него какого-либо влияния. Тут я взорвался и сказал, что Лестер не из тех, кто может попасться на ваши английские уловки, или что его можно в чем-то переубедить. Но сказал, что я бы мог клонуть на вашу удочку. И тут же добавил, что, будь моя воля, я, не задумываясь, втянул бы США в войну на стороне англичан и что я более перспективен в смысле их дальнейшей работы. Ну, и что вы собираетесь теперь делать? — спросил я их.

— Да ты с ума сошел — говорить им подобные вещи!

Пип пожал плечами.

— Все это яйца выеденного не стоит.

— Нет, ты неправ. Продолжай же, — сказал я, когда мы прошли дальше по коридору, чтобы избежать любопытных взглядов девиц из справочного отдела — всех этих Труди, Джунн, Абигейл и Мьюриэл, которых страшно интересовали сплетни и которые пытались кокетничать с Пипом.

— В конце концов, вопреки моим убеждениям, я сказал им то, что они от меня ждали. Я сказал, что Террада ненавидит русских и что на всех заседаниях в редакции он вел себя, как конгрессмен Дайес, и был

против всякой помощи русским. Я им сказал, что Лестер предал бы лучшего друга, если бы ему почудилось, что друг изменяет республике. Я подпустил им всю эту дешевку, которую слышал на той коннектикутской ферме, и сказал, что Террада относится даже с подозрением к англичанам и не верит ни единому их слову. Ни одному англичанину, даже тебе, Кит. И я добавил, что еще не встречал никогда человека, так сознательно ограничивающего себя ради того, чтобы быть истинным американцем.

— Ты собираешься сказать об этом Лестеру? — тихо спросил я Пипа, когда мы подходили к двери.

— Конечно, нет, черт возьми. Он изведется до смерти, — сказал Пип. — Но мне страшно интересно, почему они так им заинтересовались.

Мы вошли в комнату в то время, как Лестер, стоя у окна, обозревал город. Наверно, так именно обозревал и Вашингтон реку Делавер, раздумывая, удается ли ему ее форсировать и смять англичан. По сути дела, Лестер всегда верил в свое высокое предназначение, об этом, видимо, и размышлял, засунув большие руки в карманы. Я полагаю, именно поэтому он держался несколько сдержанно со всеми нами. Пипу это, наверно, тоже пришлось в голову в тот момент, и он, не в силах сдержаться, бросил:

— Кит и я, мы как раз сейчас раздумывали над тем, как ты, Лес, относишься к ФБР.

Мы уже садились за свои столы, но заметили, что Террада аж подпрыгнул немного. Вопрос ему не понравился.

— Кто-то ведь должен заниматься этими делами, — сказал он.

И мгновенно его лицо покрылось потом. Пот даже проступил, как я заметил, и сквозь его рубашку. Он сел к столу и лихорадочно начал печатать на машинке. Мы с Пипом обменялись недоумевающими взглядами.

Заметив, что этот разговор Терраде неприятен, Пип не стал продолжать. Я же об этом вспомнил лишь на следующее утро, когда в 8.30 ко мне позвонил дежурный отеля и сказал, что двое мужчин поднимаются ко мне в номер.

Я читал «Дженни Герхардт» Драйзера (книгу мне дал Вертенбакер), доедая завтрак, который мне привезли на столике с колесиками — этом великолепном изобретении американских гостиниц. Не успел я перевернуть книгу названием вниз и сделать последний глоток кофе, как раздался стук в дверь.

На пороге стояли два молодых человека. Чистые манжеты, коротко подстриженные волосы — сомнений не было, кто они.

— Мистер Квейл? — спросил один, держа что-то в руке.

— Да, это я.

Он сунул мне удостоверение. Я его даже не успел рассмотреть. Он сказал:

— Прошу прощения, что прервали ваш завтрак, но мы рассчитывали, что вы его уже закончили. Вы закончили?

— Вы явились как раз вовремя.

— Прекрасно. Нам можно войти?

Они уже вошли. Я, как щепетильная хозяйка, попытался прикрыть небранную кровать.

— Вы не беспокойтесь, — сказал второй.

Мне хотелось найти что-то характерное в их облике. Но самым характерным было, пожалуй, лишь одно: длительной дрессировкой из них вытравили даже то естественное в людях, что обычно дрессировке не поддается.

Говорил только один из них, и, когда второй назвал его по кличке — «Синий», мне показалось, что даже этой мелочью он нарушил инструкцию и выдал слишком много. Но у Синего все-таки была одна достопримечательность — веснушки. У второго мне запомнилась поза. Он непринужденно стоял, прислонившись к стене, скрестив ноги и сложив на груди руки, готовый к тому, что кто-нибудь может ворваться в дверь. Сейчас это кажется мне смешным. Но тогда было не до смеха.

— Мы знаем, что вы не американский подданный, — сказал Синий и сел за маленький дубовый стол, которым меня снабдила гостиница. — Вы прибыли сюда на короткое время для стажировки. Вам еще осталось шесть недель. Не так ли?

— Совершенно верно.

— А куда вы отправитесь из Соединенных Штатов?

— Я не знаю, — холодно ответил я, дав понять, что их это не касается. Но мне стало немного не по себе, так как у меня было что скрывать от этих людей. Я оказался в Соединенных Штатах по приглашению Генри Люса. Но и англичане были заинтересованы в этом. Шла война, я был военнообязанным и не мог просто по собственному желанию отправиться в США даже в качестве военного корреспондента. Для этого требовалось специальное разрешение. Я обратился к заместителю директора военной разведки, который занимался военными корреспондентами, и сказал, что приглашен в Нью-Йорк на три месяца ознакомиться с работой журнала «Тайм», чтобы в будущем писать для них о войне с места событий. Он ответил, что обо всем знает, так как прочитал перехваченные телеграммы, и считает, что это великолепная идея.

— Уж лучше пусть на такой работе будет свой человек, а не наоборот.

Я вроде бы был подослан англичанами, хотя об этом никто не знал. Синий и его товарищ имели полное право допросить меня с пристрастием по поводу того, что еще, помимо приглашения со стороны «Тайм», привело меня в США. Но я знал, что они здесь не для того. Синий уже фактически начал игру в прятки.

— Вы поедете в Россию по окончании стажировки?

— Не знаю, вам лучше спросить Генри Люса.
— Это не обязательно. Вы раньше бывали в России, мистер Квейл?
— Пока еще нет.
— Еще нет? Но почему? Вам бы не хотелось освещать военные действия там? Я имею в виду, что с профессиональной точки зрения это очень интересно. Что вы скажете?

— Да.
— А на какой вопрос вы даете утвердительный ответ, мистер Квейл?

— На какой вам угодно.
— Вы, кажется, нервничаете. В чем дело?
— Нет, почему же, я чувствую себя нормально,— сказал я с некоторым раздражением.

Синий засмеялся и сказал:

— Мы вовсе не хотим вас запугивать. Мы хотим просить вашей помощи, если вы согласны, в чем я нисколько не сомневаюсь.

— Какой же именно помощи?

— Ничего особенного. Вы ведь работаете вместе с Филиппом Ловеллом и Лестером Террадой, и мы подумали, что, может быть, вы сумеете рассказать нам что-нибудь об их дружбе. Вот и все.

— А что именно вам рассказать об их дружбе?

— Насколько близки они, например. Они на самом деле очень близкие друзья?

Я тогда еще был слишком молод. А в то время молодежь была довольно наивна. Так что поначалу я не мог понять, на что он намекает.

— Конечно, они близкие друзья,— сказал я.— Они, правда, много спорят друг с другом, но это не мешает их дружбе.

— Но насколько они близки? Нормальная ли это дружба? Как, по-вашему, нормальная или в ней есть что-то противоестественное?

Тут наконец до меня дошло, на что они намекали. И, пожалуй, я сделал самое правильное — я громко рассмеялся.

— Вы копаете явно не в том месте, если этот вопрос вас так волнует,— сказал я.

— Мы нигде не копаем,— строго сказал Синий.— Мы просто проверяем возможные варианты. А что вы знаете о работе Лестера Террады?

— Ровным счетом ничего.— Мною опять овладело чувство враждебности.

— Но ведь вы работаете с ним в одной комнате и в одном отделе.

— Я никогда не читаю того, что он пишет.

— А почему?

— Потому, что его писанина действует на меня угнетающе. Я начинаю думать, что мы проигрываем войну.

— Но ведь он пишет о русском фронте, а не о британском.

— Но война ведь та же самая,— подчеркнул я.
— Вы когда-нибудь были в России, мистер Квейл?
— Вы меня об этом уже спрашивали.
— Не приходили ли к Терраде на работу русские или симпатизирующие им лица?

— Нет, не приходили. Можно, я вам задам вопрос?

— Задавайте.

— К чему все эти вопросы о Лестере и о русских?

— А уж это наше дело.

— В таком случае я могу сказать, что большего американского американца, чем Лестер, я еще не встречал. Мне иной раз при нем бывает стыдно, что я сам не хочу стать американцем. И сколько вы мне вопросов ни задавайте, это все, что я могу о нем сказать. И вы, надеюсь, не будете возражать, если мы нашу маленькую беседу на этом и закончим, поскольку мне надо отправляться на работу.

— Вы ведь не отмечаетесь по часам?

— Нет, но дел у меня много.

— О'кэй.

Синий встал из-за письменного стола.

— Вы нам во многом помогли, и мы это ценим. Вас не подбросить на машине до работы?

Сначала я хотел сказать «да», а потом решил, что «нет».

Синий рассмеялся.

— Как хотите. Но вот еще что.

Он подошел к столику на колесиках с остатками моего завтрака и взял в руки книгу «Дженни Герхардт».

— Я смотрю, вы читаете американского писателя Теодора Драйзера.

— Да.

— Он вам нравится?

— С ним и сравнить никого нельзя.

— А вы знаете, что он был коммунистом?

— Неужели?

— Он был членом американской коммунистической партии,— сказал Синий.

— Вы считаете, что я не должен его читать?

Я по-прежнему поддерживал игру, но меня и в самом деле интересовал его ответ.

— Я этого не хочу сказать,— поспешно ответил он.— Я полагаю, все это нужно вам для вашей работы.

Первым вышел его коллега — проверить, не грозит ли опасность нападения из какой-либо из этих коричневых дверей, когда они пойдут по коридору. Синий надел шляпу, прихватив ее тремя пальцами (я забыл упомянуть о шляпах), и сказал:

— До свидания, мистер Квейл. Благодарю вас за помощь.

Я поскорее закрыл дверь, чтобы еще раз не предложили подбросить меня до работы. Я не хотел садиться с этой парой в машину, так как чувствовал бы себя в положении гангстера, который сидит в наручниках, забившись в угол, в то время как его везут на допрос в «Гранд сентрал» для отправки обратно в Чикаго. Конечно, все это было похоже на небольшой фарс. Но я подумал: как бы они себя вели, если бы нацелились на меня всерьез? Или что случилось бы с Террадой, жизнь которого изобиловала темными пятнами, ошибками и даже политическими катаклизмами? Подозрение вызывало даже его отступничество от компартии, и у меня возникло чувство жалости к нему. Я, как и Пип, гадал, чего именно хотели Синий и его приятель.

Иногда мы работали по субботам в утренние часы, и в нашей конторе в тот день было порядочно народа. Я, казалось, привлекал всеобщее внимание, когда после работы проходил по коридору к лифту с чемоданчиком в одной руке, а Джуди держала меня под другую. Джуди знала почти всех на обоих этажах — и в «Тайме» и в «Лайфе». Я же знал мало кого. И бросали взгляды, конечно, на нее. Но, думаю, она нарочно выставляла меня в таком виде, и это ей нравилось.

Джуди оставила свой «форд» в одном из подземных гаражей в жилом квартале на Парк-авеню, и мы туда шли пешком, не проронив друг другу ни слова. Когда дошли до машины, она спросила, не хочу ли я сесть за руль. Я покачал головой, отказавшись от предложения, и мы так же молча отправились в путь. Проехав половину Парк-авеню, Джуди начала проклинать отопитель, который плохо работал. Но как только мы выбрались на открытое шоссе, она пустила свой «форд» вовсю, и мы помчались неведь куда и неведь зачем. Любопытно, что наше долгое и преднамеренное молчание как-то нас и возбуждало. Я думаю, Джуди все это рассчитала заранее. Но я все еще как следует не знал, чего она от меня ожидала. Как только мы приехали в усадьбу, она тут же сделала крепкий коктейль и сказала:

— Ты никогда не был пьяным, ведь так?

— Пока что нет, — ответил я. Но это было не совсем правдой. Раз во время отступления из Салоник, мучимый жаждой, я проглотил полбутылки джина, будучи уверенным, что это простая вода с привкусом бензина. Я никогда до этого не пробовал джин. В результате я полтора дня, совершенно пьяный, бежал по Марафонской долине, преследуемый пятью немецкими танками. Но это был как бы несчастный случай, и я это не считаю.

— Я вообще не люблю пьяных, но тебя мне очень хотелось бы напоить, — сказала Джуди. — Хотя бы для того, чтобы посмотреть, что скрывается за этой твоей английской непроницаемостью.

— Ты ничего особенного не найдешь, — сказал я. — Я ничего не скрываю.

— Ты все скрываешь, и это наводит меня на подозрения.

— И что же ты подозреваешь? — спросил я встревоженно. Эти парни из ФБР заставили меня задуматься по поводу моего положения в Соединенных Штатах.

— Тебя пугает секс, правда? — сказала она.

— Меня пугаешь ты, — смеясь, ответил я.

— О, это мне известно, — сказала как бы между прочим она, будто иначе и быть не могло, хотя тогда я еще совсем ее не боялся. — Но ты даже не хочешь и разговаривать о сексе, ведь так?

— По возможности избегаю.

— Я хочу, чтобы ты знал... — начала она, сдвинув брови. — Я считаю, что секс должен преследовать две цели. Первая — соединить двух искренне любящих людей. Вторая — удерживать их вместе, если это получится. Но ты, конечно, с этим не согласен.

— Всей душой согласен, — ответил я.

Джуди громыхала коктейльной палочкой в стакане, размешивая напиток. Она стояла надо мной в агрессивной позе, и в каждом ее слове чувствовалась какая-то затаенная угроза.

— Ты совсем не похож на американца. Никогда тебя с ним не спутаешь.

Она раскачивалась на каблуках, вызывая меня на то, чтобы я встал и увидел бы ее лицом к лицу: дескать, приди ко мне и стань мне равным. Но я был уверен — любое заигрывание с Джуди на сексуальной почве не только не сделало бы меня равным, но низвело бы меня на низшую ступень. И я подумал, что вот таким-то образом и проявляется система американского матриархата. Мне невероятно хотелось, чтобы появилась Эйми и вытщила меня из всего этого.

— Я собираюсь тебя напоить ради твоего собственного блага, — сказала Джуди. — Так что, ради бога, прикончи этот мартини.

— Я выпью пару коктейлей, и это все, — ответил я. — Я не хочу завтра с больной головой гоняться верхом за Эйми, перелетая через заборы и продираясь сквозь кустарник.

— О, Эйми еще ребенок, — произнесла она презрительно. — И это еще одна причина, почему я очень подозрительно отношусь к тебе. Ты боишься зрелых женщин, не правда ли?

Вот как раз здесь я и понял, что произошло с Пипом и Террадой.

Они оба попались на удочку. И того и другого задела попытка принизить их мужское достоинство и открытый вызов со стороны Джуди, хотя, по всей вероятности, с ними она прибегала к другим методам.

— Я не боюсь зрелых женщин, — сказал я, подняв свой бокал. — Я уже сказал, что боюсь тебя.

— Это мы еще посмотрим, — сказала она.

Для Джуди остаток дня прошел безуспешно, так как мое поведение нарушило все ее намерения и планы. Она поставила четыре пластинки с концертом Брамса на автомат, и каждый раз, когда на диск падала

пластинка, казалось, что раздавался пистолетный выстрел. Я не выдержал. Встал, вышел на улицу и пошел по дорожке, где под ногами у меня хрустел гравий. Было холодно без пальто, но единственное, что я не мог выносить в Нью-Йорке, — это слушать классическую музыку. Я мог ходить в театры, в кино, есть в дорогих ресторанах, даже однажды купался в холодный день у берегов Литлхэмптона. Но лишь однажды мною овладело чувство тоски и сожаления, что я бросил свою страну в тяжелое время войны, — это когда я сидел у какого-то дома и спокойно слушал серьезную музыку.

Но я не хотел все это объяснить Джуди. Я не так далеко прошел по дорожке, когда подкатил, резко затормозив, «плимут»-фургон и из него выскочила Эйми. Она попрощалась с водителем, который тут же умчался, сама же подождала, когда я подойду к ней.

— Ты выглядишь таким несчастным, — сказала она, — что я попросила Пипа высадить меня здесь. О чем ты думал — о войне, что ли?

— Должно быть, да, — ответил я, а Эйми взяла меня под руку и вприпрыжку потянула за собой.

— Ну, все это я скоро из тебя выблюю. Я тебя ждала все неделю. И если ты пойдешь со мной в сарай, я покажу тебе, что я давно хотела сделать.

Сарай — это была конюшня, куда я и последовал за ней. Она включила свет, а лошади зафыркали и забили копытами, увидев нас. Эйми сразу направилась к стойлу Минтджулипы и сняла пару боксерских перчаток, висевших на крючке для уздечек.

— Ты занимаешься боксом? — спросила она.

— Конечно.

— Тогда надевай перчатки, и давай драться.

Эйми была боевая девчонка. В ней сказывались ее возраст и физическая сила.

— Это мы-то с тобой? — сказал я. — Могу представить, как это будет выглядеть.

Но она не шутила и бросила мне перчатки.

— Ну уж нет, — сказал я. — С тобой я драться в перчатках не буду. Ни в коем случае, даже в шутку.

— Почему?

— Никогда в жизни, — сказал я. — И не думай.

— Но я хочу научиться драться, — сказала она. — Мне нужно, Кит. Я должна. И тебе не будет от этого плохо.

— Мне-то не будет, но тебе может повредить, — настаивал я. — И вообще, зачем тебе это нужно?

— А я хочу кое-кому как следует поддать!

— Ну уж нет, Эйми, только не мне.

— Нет, не тебе, глупый. На свете есть два человека, которым я хочу набить морду, и я хочу сделать это как следует.

— Кому же?

— Неважно кому.

— Нет, — сказал я.

— Ну, хорошо. Если уж ты не хочешь драться со мной, покажи мне, как это надо делать, Кит. Ну давай. Надень перчатки и покажи мне. Я специально для этого их одолжила.

Эйми говорила очень убедительно, и вреда от этого, казалось, не могло быть. И я согласился.

— Ну, ладно, — сказал я. — Если миссис Джек Лондон могла заниматься боксом, то почему ты не можешь?

Я помог Эйми надеть перчатки. Затем зашнуровал перчатку у себя на одной руке и зубами затянул на другой.

— Ты действительно разбираешься в боксе? — спросила она.

Мы уже стояли друг против друга с кулаками, похожими на буханки хлеба.

— В школе был чемпионом, — сказал я. — Но прежде чем мы начнем, я все-таки хочу знать, кого ты намереваешься побить. Мужчину или женщину?

— Конечно, мужчину. Даже двух. И они сильно этого заслуживают.

— И кто же они?

— Это уж мое личное дело, Кит. Так что не расспрашивай меня. Это касается моей женской гордости.

— Ну, ладно, — сказал я. И предупредил, что существует один элементарный закон бокса. — Левая рука всегда должна быть вытянута вперед и отражать удары противника, которого следует держать от себя как можно дальше, чтобы он не мог ударить. А когда улечишь момент, изо всей силы бьешь его правой. Весь бокс основан на различных вариантах этого приема.

Я показал ей, как это делается и левой и правой рукой, хотя не собирался наносить удара и даже дотрагиваться до нее. Но тут Эйми сказала:

— Ну, что же ты, давай бей.

— Ну, нет. Я до тебя не дотронусь. Но ты можешь испробовать на мне, если хочешь. Стань немного боком, держи левую навывтяжку, чтобы мне до тебя не достать. Потом сделай рывок вперед и нанеси мне удар правой.

Эйми не заставила себя ждать. Не успел я опомниться, как она нанесла мне сильный удар правой, так что я чуть не свалился.

— Господи, — сказал я. — Да ты и впрямь не шутишь.

— Это же здорово, Кит. Давай еще раз попробуем.

На этот раз я блокировал ее удар справа, ситуация изменилась, и неожиданно моя рука оказалась около самого ее носа. Но я опять ее не задел.

— Бесподобно! — закричала Эйми. — Покажи мне, как это ты делаешь.

Я показывал ей примитивные приемы, которыми пользовались еще в XIX веке, — надо учитывать, что квалификация моя была невелика. Но Эйми очень быстро усваивала арифметику бокса. Дважды после этого она нанесла сильные удары правой, и я показал ей, как надо защищаться, используя локти, как увертываться от удара, а не принимать его на себя. Мы находились в замызганном проходе между стойлами и, как школьники в гимнастическом зале, постигали основы бокса. Ее уже было трудно остановить. Тогда я сказал ей, что с меня хватит: я уже выдохся к тому времени, щеки мои были поцарапаны, и я к тому же прикусил язык. У меня болел живот от ее ударов ниже пояса. Но я до нее так и не дотронулся.

— Ну еще разок, Кит, пожалуйста, — не унималась она.

Я в последний раз встал в позицию, и Эйми пошла в атаку. Удар, еще удар. Защищаясь, я отступил назад и наткнулся на Джуди.

— Господи, что же здесь происходит? — воскликнула она.

— Уходи ты, Джуди! — крикнула Эйми. — Ты все испортишь.

Когда до Джуди дошло, что здесь происходит, она заявила:

— Боже мой, я не нахожу слов! Ничего подобного в жизни не видела. Это же отвратительно.

— А, да замолчи ты, Джуди, — спокойно сказала Эйми.

Тогда Джуди набросилась на меня:

— Неужели ты не знаешь, что от удара в грудь у женщины может быть рак?

— Не я ее бью, — уточнил я. — А она меня.

— За что?

— А это не твое дело, — вступилась Эйми. — Это наше дело с Китом.

— Оно и видно, — сказала Джуди. И я почувствовал, что она начинает брать надо мною верх. Я казался себе дураком. Но тут же она себе все испортила.

— Ну, если ты это предпочитаешь Брамсу... — сказала она мне.

Намек был слишком ясен. Я вновь овладел собой. Я сказал, что на меня подействовали два коктейля, которые она мне дала выпить.

— Ты имеешь в виду два мартини, — уходя, презрительно бросила она.

Эйми радостно засмеялась и неожиданно ударила меня правой.

— Ты ее добил, — сказала она. — Ты поставил ее на место.

— Ничего подобного, — возразил я. — Она права, Эйми. Тебе действительно можно нанести опасный удар в слабое место. Так что никогда не пытайся тягаться с мужчиной. Даже в шутку.

— А я и не собираюсь шутить.

— В таком случае бей, кого тебе надо, скалкой.

— Ну, уж нет! Я хочу драться, как настоящий мужчина, лицом к лицу: удар, еще удар! Как ты меня учил.

— В таком случае я настаиваю: скажи, кого ты собираешься бить? Иначе нечестно. Давай выкладывай.

— Один из них парень. Его зовут Джек, который, стоит мне отвернуться, лапает меня. Он пытается хватать меня за все места, и это ужасно. А он думает, что я в него влюблена. Второй — это Лестер Террада.

— Лестер?

— Да, он. Я его терпеть не могу. Он ведет себя так, что все вокруг него пляшут. Боятся обидеть его. Как он только этого добивается? А еще знаешь что, Кит?

— Нет, не знаю.

— Американец себя так не ведет. Ты гораздо больше американец, чем он.

Я сказал, что она не должна так отзываться о Лестере, и повторил слова Джуди, что с американцем меня никогда не спутаешь.

— Вот видишь! — сказала она. — Даже ты за него заступаешься. Как это ему удастся? Хотела бы я знать, как это удается ему вызывать к себе такую жалость? Это просто противно!

Я подумал и отчасти согласился с Эйми. Лестеру всегда удавалось пробуждать к себе материнское чувство даже у мужчин.

— Но за что же ты собираешься его бить? Ты так и не объяснила.

— А что здесь объяснять? Просто я хочу, чтобы он знал, что всех обвел вокруг пальца, кроме меня, — сказала она. — Он вас всех дурачит, и я это ненавижу. Я хочу, чтобы он и близко не был к моей семье. Я действительно ненавижу его, Кит.

— Ты просто сумасшедшая, — сказал я, не в силах сдержать смех, и она осталась со своими лошадьми.

Что касается меня, я пошел обратно к Джуди, которая на кухне готовила изысканный ужин, и сообщил ей, что собираюсь на следующей неделе возвратиться в Англию, если удастся достать место на клипере.

— Но ведь срок твоей стажировки еще не истек, — сказала она. — У тебя остается еще почти месяц.

— Я знаю. Но мне надо ехать.

— В чем дело, почему ты вдруг надумал?

— Не знаю. Возможно, мне помог Брамс.

— Кто?

— Это неважно.

— Не уверена, что Генри Люсу это очень понравится.

— Он поймет, — сказал я. — Верт ему все объяснит.

— В таком случае у меня не так уж много времени, — насмешливо сказала она, что меня удивило. Она явно решила быть очаровательной и подошла ко мне с таким видом, будто хотела наверстать упущенное время. И тут я увидел то, что увидел Пип, — ласковые зеленые глаза, классический нос, нежные губы. И все ее лицо стало нежным и привлекательным, когда она была так близко. Мы обменялись лишь легким поцелуем. Но, клянусь, он обещал большее, если бы я захотел.

Все испортила Эйми, которая пришла на кухню взять бутылку

кока-колы из холодильника. А Джуди ей велела вычистить грязь из-под ногтей, снять штаны и надеть приличное платье, если она хочет сесть с нами за стол.

— От тебя несет конюшней,— сказала Джуди.

— Лучше конюшней, чем Лестером Террадой,— ответила Эйми. Джуди повернулась и залепила ей хорошую пощечину.

Эйми застыла на месте. У нее перехватило дыхание, и я думал, что она даст сдачи. И вдруг по ее щекам покатались крупные слезы.

— Бей сколько хочешь,— всхлипывала она.— Но и он тоже получит от меня в один прекрасный день.— И она со злобой помахала кулаком перед носом Джуди.

— Если ты когда-нибудь посмеешь его тронуть,— крикнула Джуди,— можешь быть уверена, что я позабочусь о том, чтобы все эти лошади были проданы! А тебя отправят к тетке Эфи в Мэн.

— Ты не имеешь права трогать лошадей! Они принадлежат мне!

— Они никому не принадлежат. Они принадлежат попечителям, так же как и все остальное, и ты все это знаешь.

— Они больше мои, чем твои.

— Ты докажи это попечителям, когда их увидишь. Если я скажу, что от них надо избавиться, то от них и избавятся.

— И все равно я его побью,— рыдала Эйми.— А если ты что-нибудь сделаешь с лошадьми, то я... сделаю что-нибудь ужасное.

В ходе всей перебранки Джуди сохраняла спокойствие и самообладание. Эйми же была возмущена и подавлена. Ее слезы были похожи на струи пота. Казалось, они сочились из ее розовых щек, а не из глаз. Она соорудила мне сердитую гримасу, будто обвиняя меня в чем-то, и ушла.

— Она чудная,— сказала Джуди.— И ты не лучше, ты ей потакаешь.

— Да ничего она не делает,— сказал я.

— О, она-то делает,— настаивала Джуди.— Но я тоже сделаю свое дело. Ведь все может прийти к тому, что она кончит лесбиянкой, если не одумается.

— Вот уж этому я никогда не поверю,— ответил я.

Меня настолько возмутило это замечание, что появилось желание сказать Джуди, что Эйми несравненно более женственна и привлекательна, чем она. Было много другого, что я хотел сказать Джуди. Но я этого не сделал, потому что личные выпады предполагают и личные ответы, а я в своей жизни старался избегать подобного рода вещей.

— Она не хочет, чтобы ты вышла замуж за Лестера,— сказал я.— Вот поэтому она такая сумасшедшая.

Джуди засмеялась и подлила мне коктейля из стеклянного кувшина, который она держала в холодильнике.

— Почему я должна выходить замуж за кого-то, подобного Лестеру? Если бы мне предстояло выбирать кого-либо из обитателей

двадцать девятого этажа, я бы выбрала Верта, или Пипа, или даже тебя. Лестеру нужна, с одной стороны, мамаша, а с другой — знаменосец. И хотя я могу быть и тем и другим, я не могу быть ими одновременно.

— Почему ФБР так им интересуется? — спросил я ее.

— Значит, они добрались и до тебя?

— Да, добрались.

— Лестер собирается получить работу в Вашингтоне, так что он проходит обычную проверку.

— И это все?

— А что же еще? О чем ты подумал?

— Не знаю. Но он не сказал об этом Пипу.

Джуди, казалось, это очень понравилось.

— Он правда не сказал? — проговорила она.

— Нет.

— Это все те же их старые отношения, — сказала она. — Они становятся очень осторожны друг с другом, когда дело касается конкретных вещей. Они как два друга, воюющие из-за одной женщины.

— Из-за тебя, Джуди?

— Не будь дураком. Тот спор, который они ведут, касается Америки. Они не могут оставить эту тему, они не могут от нее отцепиться. Вот поэтому-то я и говорила Лестеру, что ему следует перебраться в Вашингтон.

— Ради чего?

— Потому что он слишком благоговеет перед Пипом и перед тем, за что тот стоит. Лестеру нужно от него освободиться.

— Это тебе Лестер сказал?

Джуди укладывала тарелки в духовку, чтобы подогреть их, а затем сняла свой маленький красивый клеенчатый фартук.

— Ему и не нужно было говорить мне. Ты знаешь, в чем их главная беда, Кит?

Она легонько подталкивала меня из кухни в гостиную.

— А у них разве действительно есть какая-то беда?

— Ты знаешь, что я имею в виду. У них ничего нет общего.

Я подождал разъяснений, но Джуди сказала, что для понимающего человека и этого достаточно, и послала меня мыться.

Позднее, когда я сел ужинать, застенчиво вошла Эйми. Она была в обтягивающем холодно-голубом платье, выставлявшем напоказ все ее очаровательные пухлые молоденькие прелести. Я полагаю, что она и Джуди привыкли к ссорам и подзатыльникам, но я знал, что Эйми проявляла сейчас осторожность не потому, что боялась потерять лошадей. Она беспокоилась также из-за меня, и когда Джуди вышла на минутку после ужина, Эйми прошептала:

— Я готова сидеть здесь хоть всю ночь, если нужно.

— А зачем?

— Я не хочу, чтобы ты оказался в ее кровати, — сказала она.

— Я и не собираюсь идти с ней в кровать.

— Но она собирается. Я для верности буду заходить к тебе в спальню каждые полчаса.

— Тебе незачем заходить так далеко,— ответил я.— Моя честь и мое мужское достоинство в полной безопасности, клянусь тебе.

— Ничего подобного. С ней так не бывает. А если ты поддашься, я никогда не буду с тобой разговаривать.

Джуди возвратилась, и она поняла, что мы шептались о ней. Поэтому она сказала Эйми, что лошади чем-то возбуждены и ей следует посмотреть, в чем дело.

— Ты оставила свет в сарае.

— Ничего подобного.

— Я говорю, что оставила, пойдй и посмотри.

Эйми ушла проверять, а Джуди села рядом со мной и начала ерошить мои волосы и гладить нежно мою шею.

— Ну? — сказала она.

— Я женатый человек,— ответил я.

— Я не знала этого.

— Я думаю, мне следовало бы сказать тебе об этом.

— Для чего? Ну, ладно, а где же твоя жена?

— В Каире. Она сестра в одном из наших военных госпиталей.

— Как она выглядит?

Джуди все еще гладила мою шею.

— Она католичка,— сказал я,— и очень добропорядочная.

— А что сказать о тебе? — Рука все еще была на шее.

— Я не католик и не отличаюсь этой добропорядочностью,— сказал я ей, и она засмеялась.— Но я отличаюсь верностью, и, полагаю, в этом есть разница.

Ее рука соскользнула.

— Как забавно,— сказала она и вновь засмеялась.

Но я не уверен, что она в действительности находила это забавным. Я даже думаю, она никогда мне не простила того, что я позволил всему зайти так далеко; и она не пришла ко мне в комнату в ту ночь, и я не пошел к ней. Эйми забегала ко мне дважды, прыгала на кровать, стукнула по обеим коленкам каким-то болезненным приемом, как когда-то в школе, стянула с меня простыню и в конце концов ушла, довольная, но одновременно раздосадованная, потому что теперь она была уверена, что Джуди собиралась выбрать Терраду.

— Пип слишком слаб для нее,— сказала она.— Она в действительности хочет иметь этого сталевара, верно ведь?

Глава 6

За три дня до моего отплытия в Ливерпуль с конвоем, вышедшим из залива Делавер, японцы разбомбили Пирл-Харбор, и Америка стала другой страной, а Пип и Террада другими людьми. Вернее, они

сами по себе остались прежними, но обстоятельства поставили их в другие условия. Меня удивило то, что американцы не сразу осознали, что они полностью и безвозвратно вступили в войну и что вся их жизнь теперь изменится. В то памятное воскресное утро, как обычно, когда мы работали по воскресеньям, все шло спокойно, своим чередом на двадцать девятом этаже. Ничего не изменилось. Теми же были пустынные нью-йоркские улицы под нами, тот же был воздух и вся атмосфера, и предвкушение загородных обедов, ужинов, коктейлей, и ожидание следующего понедельника со всей рутинной рабочей дня. Я раньше и представить себе не мог, насколько далеки американцы от войны, как мало они о ней знали. А впрочем, зачем им это было нужно? Я находился в Лондоне в день начала войны, и час спустя, после того как Чемберлен объявил об этом в своей речи, у всех, казалось, перехватило дыхание. На следующий день я приехал в Париж, который стал уже военным городом, хотя в этом и было много показного.

Но речь здесь идет не о моих личных воспоминаниях о войне, а о том, что случилось с Пипом и Террадой. Поэтому особый интерес представляют причины начавшихся в них самих в то утро перемен. Пип, пожалуй, был единственным, кто предвидел, чего следует ожидать. Удивительное понимание им реальной обстановки открывало ему глаза на то, что будет происходить, на многие годы вперед: грандиозные морские и воздушные битвы в Тихом океане, продвижение американских армий через Европу и встречу с русскими в Берлине. Никто так точно все не предвидел, как Пип. И это я понял лишь много времени спустя, ибо тогда его соображения представлялись мне чистой фантазией. Опасность была настолько велика, что казалось невозможным предсказать, как все пойдет дальше.

Странно было то, что Пип больше интересовался Европой, а Террада — Японией. Казалось, должно было быть наоборот, но Пип всегда мыслил в глобальном масштабе, тогда как Террада интересовала одна лишь Америка. И если Япония напала на его республику, то именно Японию надо преследовать и уничтожить. Германию же и Италию он во внимание не принимал, так как они еще не объявили войну Соединенным Штатам.

— Но это ведь одна и та же проклятая война! — убеждал Пип.

— Меня не интересует, одна и та же или нет, — настаивал Террада. — Пусть весь европейский континент сдохнет от этой войны, мне до того нет дела. Мы имеем дело с Японией. Япония — страна молодая, японцы грубые и жестокие, и они хотят на нас испытать свою силу. Они нас вышвырнут из бассейна Тихого океана, если смогут, и даже прихватят наше западное побережье, если мы не дадим им быстрый и крепкий отпор.

— Ты образец истинного и ограниченного американца, Лес,— обращался к нему Пип.— Поэтому ты, вероятно, даже лучший американец, чем я.

Террада этого не отрицал. С надутым видом и с чувством какого-то превосходства он сказал:

— Я уйду из «Тайма» и перебираюсь в Вашингтон на следующей неделе, Пип. Я думаю, тебе следует об этом знать.

— Отлично, черт возьми! — воскликнул Пип. Он сказал, что очень рад за него, и, мне кажется, тут Пип впервые вздохнул с облегчением после того разговора с агентами ФБР.— Так вот почему они тебя проверяли! Террада кивнул в знак согласия. Он выглядел так, как я когда-то, когда двенадцатилетним мальчишкой сказал своим родителям, что занял первое место в школе по прыжкам в воду: гордым, скромным, тщеславным и недосыгаемым для всех. В этот момент Террада мне даже нравился. Серьезная стычка между ними произошла позднее, после заседания редколлегии, на котором я не присутствовал. Они вошли в комнату какие-то притихшие, как будто только что крепко поссорились и перестали разговаривать друг с другом. Германия и Италия уже объявили США войну — шаг, до сих пор непонятный, ибо даже Рузвельт в то время не отважился бы автоматически вступить в войну в Европе. И теперь Пип и Террада спорили о том, кто настоящий союзник и кто настоящий враг. Формально Америка оказалась на стороне русских, и с этим ничего нельзя было поделать. Террада заявил, что это не имеет никакого значения, а после очередного длительного молчания Пип выпалил:

— Ты продолжаешь настаивать, что русские более серьезные наши враги, чем немцы?

— Совершенно верно,— сказал Террада.— Я нацистов не люблю, Пип, но это не причина для того, чтобы стать союзником России.

— Русские, вероятно, победят в этой войне. Тогда что ты будешь делать? — ответил Пип.

— Когда это военное чудо свершится, тогда и поговорим,— рассмеялся Террада.

Они продолжали спорить в таком же духе, и разговор неизбежно коснулся Китая. Террада был против того, чтобы Соединенные Штаты оказывали помощь китайским коммунистам в Яньани.

— Почему мы должны оказывать помощь твоим друзьям красным в Китае больше, чем русским? — сказал он.— Они используют ее только в своих интересах.

Это был первый раз, когда я услышал, как он перешел к личным выпадам, назвав китайцев друзьями Пипа. А Пипа будто ужалило.

— Китайцы в Яньани уже десять лет воюют с японцами не покладая оружия, в то время как морская пехота Соединенных

Штатов избивает китайок в шанхайских притонах и подражает проклятым англичанам в своих офицерских клубах. Ты чего хочешь, Лес,— вести сепаратную войну?

— Нам не надо помогать коммунистам,— ответил Террада.— Я, конечно, смотрю на все это с точки зрения дальнего будущего. Но это, безусловно, в интересах Соединенных Штатов.

Пип встал.

— Словом, похоже на то, что Америка будет вести хорошенькую маленькую войну сама по себе,— произнес он и с негодующим видом вышел из комнаты.

Но в конце концов они успокоились и на следующий день, как и прежде, соблюдали нейтралитет. Они устроили мне прощальный вечер на квартире у Пипа и спросили, кого бы я хотел пригласить. Я пригласил весь двадцать девятый этаж. Они все были моими друзьями. Из посторонних я хотел видеть только Эйми.

— Мне жалко расставаться с Эйми,— сказал я Пипу.— Через полгода, максимум год Эйми расцветет как летняя роза.

— И без ее лошадей.

— Я того же мнения.

Пип задумался и немного взгрустнул.

— Жалко Эйми,— сказал он.— Ты действительно хочешь ее пригласить?

— Тогда Джуди будет следить и за ней, а не только за тобой и Лестером,— сказал я.

— И за Китом Квейлом! Ну признайся же, Кит.

Я знал, на что он намекает, но решил изобразить негодование.

— Клянусь, я и не дотрагивался до Джуди,— ответил я.

— Так я тебе и поверю!

— Спроси Эйми. Ведь она за мной следила.

Пип вдруг сделался серьезным.

— Ты правду говоришь, Кит?

— Клянусь тебе.

— Поразительно,— сказал Пип.— Я был уверен, что Джуди решила тебя соблазнить.

— Я этого не знал,— соврал я. К тому же должен тебя предупредить, что Эйми делает нокдаун любому, кто решит по глупости жениться на Джуди. Я сам научил ее драться.

Я рассказал Пипу, как учил ее боксу, и он был в восторге.

— Наверно, этим объясняется характер англичанок. Вы их с детства обучаете боксу.

— Ну-ну, потише.

— И что же сказала Джуди?

— Он пригрозила оставить Эйми без копейки.

— Это на нее похоже. Интересно только, кому по праву принадлежат все деньги.

Пип и здесь оказался прав, как я узнал об этом позже. Деньги принадлежали Эйми. Но они были вверены попечительству группы юристов и банкиров. Доля же Джуди была второстепенной и незначительной. Но тем не менее опекуны считали, что она наиболее близкий Эйми человек и поэтому самый лучший и влиятельный советчик.

— О'кэй. Это твоя вечеринка,— сказал Пип.— Так что мы пригласим маленькую старушку Эйми, и наши мяукающие кошечки с двадцать девятого этажа получат колоссальное удовольствие, издеваясь над Джуди, когда узнают, что Эйми помешана на лошадях.

Пип спросил после этого, что думает Люс по поводу моего отъезда.

— Он принял это как надо,— сказала я.— Но с ним предварительно говорил еще Верт. Я объяснил Люсу, что по своей журналистской манере я не совсем подхожу для работы в «Тайме». А он ответил своим странным, извиняющимся тоном, чтобы я не беспокоился.

— Вам надо думать о своем будущем, так что это ваша проблема и ваша ошибка. Но жалко, что здесь у вас не получилось.

Мы договорились расторгнуть наш контракт. Я предложил возместить большую часть заработка и деньги, уплаченные за билет на самолет. Но Люс и слышать об этом не хотел. Он сказал, что мне выплатят всю сумму денег, причитающуюся по договору, и оплатят обратный проезд до Лондона или куда мне надо. Это было благородно с его стороны, и меня мучили угрызения совести, пока я не рассказал обо всем Пипу.

— А, плюнь ты на это,— сказал Пип.— Хэнк вообще щедрый парень, но ты никому ничего не должен. Они с тебя свое получили.

Может быть, может быть. Но я хотел как можно быстрее отправиться восвояси. В мой дом пришла война. И когда я был вне этой войны, я чувствовал себя в чужой стране. Вечеринка у Пипа проходила, как и все нью-йоркские вечеринки того, 1941 года, спокойно, пока Пип и Террада не сцепились вновь. Мы сидели парочками и группами, потягивая виски, и «бурбон», и прозрачный холодный мартини, приготовленный Джуди. Мы слушали Хильдегарде и безвестного исполнителя народных песен Берла Ивса, которого кто-то открыл среди любительских записей. Мы говорили о войне, красивой жизни, дилетантизме и распространенной тогда новой нью-йоркской литературной игре: можно ли, и если да, то как заниматься любовью в спальном мешке, о чем писал Хемингуэй. Его книга «По ком звонит колокол» тогда только что вышла. Только один человек не считал забавным обсуждение технических деталей. Это была Эйми, которая, схватив с натянутым лицом мой рукав, произнесла:

— Это так грубо и по-детски. Неужели они ни о чем больше не говорят?

— О чем, например? — спросил я.

— Ну... Я хочу сказать, они всегда зубоскалят так о сексе? Они когда-нибудь останавливаются?

— Да, когда работают.

— Но ведь это же жутко скучно,— прошипела она и отошла.

Она надела свою изрядно поношенную бобровую шубку и ушла. Мне стало ее жаль. Эйми нигде не нашла себе места, кроме конюшни. Она не могла понять свою собственную беду, простекавшую из того, что ее детские представления были слишком условными и конкретными, чтобы в их справедливость могла поверить даже она сама. Секс, пошлость и любовь были в жизни Эйми совершенно разными понятиями. И какую же боль должно было причинить ей это в будущем!

Когда Эйми ушла, я почувствовал себя немного одиноким. Но тут Пип и Террада начали спорить по поводу того, как Хемингуэй интерпретирует испанскую войну.

Тогда я впервые услышал о том, что Террада в свое время активно выступал за Испанскую республику. Террада критиковал Хемингуэя за то, что он питает слишком сентиментальные чувства к Интернациональной бригаде. Но Пип тут напомнил, что он, Террада, выступал в Филадельфии в 1937 году на митинге по сбору средств в помощь этой бригаде.

— Откуда у тебя такие сведения? — спросил Террада, удивившись, что кто-то, а тем более Пип знает об этой его деятельности безвестного сторонника республиканской Испании.

— Твой друг подонок Джек Стоппард был на этом митинге и на днях рассказал мне, как ты в поте лица во всю глотку пел «Интернационал». Ведь о тебе шла речь, не так ли?

— Конечно, обо мне. Но я тогда был очень молод, и меня захлестнула вся эта интеллигентская болтовня, которую ты так любишь.

— Это не болтовня. Те парни находились тогда в самом пекле.

— Но тебя-то, Пип, среди них не было, — сказал Террада. — Так не тебе оправдывать их передо мной, стоя с мартини в руках. Ты сам-то ни во что не вмешивался.

— Я не вмешивался потому, что я вообще никогда не вмешиваюсь, — холодно ответил Пип.

И, как всегда, они перешли к своей обычной теме спора — политике вмешательства или невмешательства Америки. Террада утверждал, что если бы республика в Испании была достаточно сильна и республиканские принципы пустили глубокие корни, ей не понадобилась бы посторонняя помощь — и менее всего от американских добровольцев — в борьбе против немецких и итальянских самолетов и армий.

— Хороша теория! — протестовал Пип. — Интересно, как бы Вашингтону удалось в таком случае выиграть битву при Йорктауне, откуда и началась наша имеющая столь глубокие корни республика? Ведь, по сути дела, Вашингтон и не захватывал Йорктауна. Его уже взяли французы, когда де Грасс вышвырнул британский флот из

Чесапикского залива, а французская армия окружила Глочестерскую крепость. Вот что значит «посторонняя помощь», Лестер! Без этой помощи у нас бы не было республики.

— О боже мой!

— Вот-вот,— произнес Пип, почти приплясывая.— Я знал, что уж это-то до тебя дойдет.

— Ничего до меня не дошло,— сказал Террада.— Я не могу этого понять. Человек, пытающийся отнять у Вашингтона его победу под Йорктауном, должен быть либо сумасшедшим, либо просто опасным.

— Так... Я не сумасшедший,— сказал Пип,— следовательно, я становлюсь опасным.

Я отошел, ибо знал, что этот спор никогда не кончится. Я взял для Джуди немного льда из холодильника. Она находилась в лучшей компании — с Хэрси, Уайтом, Сэмом, Солтом, Вертенбакером и Силлом Калхуном.

— Наверно, я тебя больше никогда не увижу,— сказала мне Джуди, бросая кусочек льда, похожие на маленькие якоря, в стеклянный кувшин.— Я имею в виду твой отъезд во вторник.

— Возможно, и так,— сказал я.

— Как думаешь, ты когда-нибудь опять приедешь в Америку?

— Почему бы и нет?

— По тебе видно другое. Ты совсем не приспособился к Америке, не так ли?

— Это далеко не так! — возмутился я.

Джуди пожала плечами.

— Наверно, Пип был прав, когда сказал, что ты здесь зря теряешь время.

— Может быть, и прав.

— Я никогда не смогу понять англичан. Иногда даже Пип напоминает мне англичанина.

Я рассмеялся.

— Только ты ему об этом не говори.

— Нет, серьезно. Я не о том, что он из Бостона, и не о его манерах уроженца Новой Англии. Здесь нечто другое.

— Возможно, в нем есть что-то еще предреволюционное? — подбросил я.

— Что ты имеешь в виду?

— Американец времен Континентального конгресса.

— Нет, нет. Он больше похож на тех американцев, которые ринулись на помощь англичанам в 1914 году и надели британскую военную форму, потому что думали, будто это их американский долг. Пип слегка напоминает их. У него свое собственное, несколько странное понятие об американском долге.

Я знал, что Джуди абсолютно права. Пип выглядел легковесным и вел себя так же. Но я мог его представить на войне в английской

форме. Его тонкое молодое американское лицо и манеры больше подчеркивали сходство с англичанами, чем различие, и, взглянув на него через комнату, где он стоял, я почувствовал особую симпатию и привязанность к нему. Он уже закончил свой спор с Террадой, и они оба смеялись над чем-то.

— Эти двое всегда будут неразлучными в любую погоду, — ехидно и с оттенком ревности сказала Джуди.

— Вот это, Джуди, и называется дружбой, — ответил я.

Так мы и расстались на все время войны.

На следующий день Террада направился в Вашингтон, а я оставшиеся два дня посвятил двадцать девятому этажу, пытаюсь привести в чувство растрепанного Пипа. Однажды Джуди сунула свою голову в дверь и сказала, что Пип бродит по коридорам, «такой потерянный без своей второй половинки Америки».

— Так почему бы тебе не вытащить его в этот ресторанчик в Рокфеллеровском центре, где вы будете сидеть возле катка и смотреть на толстые ляжки и щиколотки катающихся девиц?

— Неплохая идея, — сказал я и вскоре нашел Пипа в комнате или Мириам, или Джоун, или Констанцы, где он читал сообщение Ассошиэйтед Пресс из Манилы о вторжении японцев на остров Лусон.

— Не знаю, какого черта я сижу здесь, Кит, — сказал он, держа в руке сообщение агентства. — Мне следовало бы сейчас разъезжать по пригородам Манилы с Макартуром, который теряет там свои подштанники.

Я знал, что кто-то под именем Тэди Джонсона из госдепартамента все время названивал Пипу после Пирл-Харбора. Но Пип сказал, что он наотрез отказался работать со своими бывшими китайскими друзьями в правительстве.

— Я не правительственный чиновник, — сказал он. — Вашингтон не по моей части.

Но он все-таки стал по его части. Когда он пришел меня провожать вместе с Эйми и Джуди на Пенсильванский вокзал, он сказал, что его вызывают к президенту.

— Но это же великолепно, — сказал я. — И даже очень лестно.

— Да, конечно, — сказала Джуди. — Вы с Лестером сможете вновь сложить ваши две американские половинки — один в Белом доме, а другой в...

Где другой?

Мы не знали, на кого Лестер работал в Вашингтоне.

— Ну, а ты как? — шепнул я игриво на ухо Джуди, перед тем как войти в вагон поезда. — Ты-то кого выбрала?

— Поживем — увидим, — сказала она.

Но Джуди уже сделала свой выбор. Мы с Эйми обнялись, как любящие брат и сестра. А я действительно любил Эйми. Она немного всплакнула, пошмыгала носом, как ребенок при семейной разлуке.

Она стояла немного в стороне от Пипа и Джуди, которая держала его под руку, как свою собственность. Эйми помахала мне рукой за двоих.

Я смотрел на них, и мне вдруг стало жалко Терраду. Чувство какого-то необъяснимого сострадания к этому человеку просто захлестнуло меня, и мне опять показалось, что его чем-то обделили. Вместо того чтобы сделать заявку на Джуди и утвердить свое мужское достоинство, он позволил ей пустить в ход свои женские штучки и отшвырнуть его от себя, устроив какую-то проверку на секс, чтобы узнать, каков он мужчина на самом деле. Но экзамена он не выдержал. Не выдержал потому, что не мог поверить в такой свой успех у Джуди и не знал, как дальше себя вести. В то же время Пип принимал как должное тот факт, что Джуди стояла рядом, взяв его под руку.

Поезд отъезжал от станции, кондуктор похлопал меня по плечу и попросил втянуть голову обратно в вагон.

— Нас штрафуют на недельный заработок каждый раз, когда у кого-нибудь отрывает голову на этом участке.

Глава 7

На этом закончилось мое короткое знакомство с Пипом и Террадой, но ощущение было такое, что покидаю я Америку Пипа, а не Террады.

Несколько месяцев спустя после моего отъезда из Нью-Йорка я получил от Пипа телеграмму, извещавшую о том, что он женился на Джуди. В ответ я тоже послал телеграмму, пожелав появления в ближайшем будущем нового городского иммигрантского поколения Ловеллов, которое не имело бы никакого отношения к традициям Джексона — Джефферсона, хотя я и знал, что Джуди не воспринимает переселенческих теорий Пипа. Она гордилась своим англосаксонским происхождением и серьезно относилась к тем обязанностям, которые накладывало на нее как на американку это происхождение.

Несколько позже я узнал от Сэма Солта, что Пип и Террада с головой окунулись в хитросплетения вашингтонской политики, помогая разрабатывать правительственную программу в отношении Китая и России. Сэм сказал, что они были так же близки и так же далеки друг от друга, как и раньше. И это меня все еще удивляло. Ведь теперь, когда им было нужно принимать конкретные решения по вопросам политики, как они могли избежать открытого разрыва или по крайней мере резкого обострения своих разногласий?

Однажды в Тунисе я спасался от 88-миллиметровых вражеских снарядов в воронке от бомбы, стараясь думать о чем угодно, но только не об обстреле; и я тогда додумался, что эти двое никогда не разойдутся, их может развести только сама Америка. Их спор может кончиться только тогда, когда станет ясно, на какой путь вступила Америка и какой будет ее дальнейшая история.

Но это все произойдет только через семь-восемь лет. Я же продолжал поддерживать связь с Пипом, а когда после войны ненадолго приехал в Кембридж, что в штате Массачусетс (я тогда пользовался Вейднеровской библиотекой в Гарварде), то Пип и Джуди, чтобы встретиться со мной, прибыли из Вашингтона вместе со своим хорошенким маленьким городским потомком.

— Как его зовут? — спросил я Пипа при первой встрече.

— Лестер... — сказал Пип, как бы извиняясь.

Я понял, что это идея Джуди, а не его.

Не думаю, что я узнал бы что-нибудь больше этого, если бы не Эйми, которая через Пипа разыскала меня. Она вышла замуж за морского летчика — того самого парня, которому она когда-то хотела сделать нокдаун за то, что он давал волю своим рукам. Он получил льготы в связи со службой в авиации и учился в коммерческой школе при Гарварде. Эйми сразу повела меня в небольшое кафе рядом с Гарвардской площадью и рассказала мне, как лишилась невинности.

— После твоего отъезда я все передумала, — говорила она. — Я безумно хотела, чтобы Джуди вышла замуж за Лестера, потому что мечтала заполучить Пипа для себя. После того, как он несколько уик-эндов провел на ферме, я очень хотела заполучить его, Кит. Я хотела, чтобы он безумно влюбился в меня, так как знала, что он такой же, как и я: с тремя цилиндрами. К каким только ухищрениям я не прибегала! Но я была слишком толста и неуклюжа. Или мои волосы были в полном беспорядке, и я не знала, о чем с ним говорить. Я была такая глупая.

Я взглянул на Эйми, сидевшую напротив, и подумал: сознавал ли Пип, что она ему предлагала? Эйми была все еще немного пухленькой, но она была искренней, очаровательной женщиной, которая всячески себя оберегала; она обладала большой привлекательностью и в сексуальном плане, но это терялось под покровом ее безнадежно заурядной одежды. Она хотела выглядеть как матрона, будучи еще очень молодой, и мне было ее жаль. Я сознавал, что все для нее обернулось в жизни не так, как надо.

— Все произошло из-за этого чертова бокса, Кит, — сказала она, внимательно глядя на меня, словно пытаясь узнать, понимаю ли я и сочувствую ли ей. — Ты помнишь, как мне хотелось кого-то стукнуть?

— Да, Лестера.

— Ну нет же, нет. Я насчет него передумала и говорила тебе, что хотела, чтобы он женился на Джуди. Почему ты меня не слушаешь? Я говорю про другого парня.

— Этого парня я ни разу не видел.

— Я знаю, что не видел, но скоро увидишь. Так вот, когда он начал опять ко мне приставать, я, как ты меня учил, вытянула левую руку и изо всей силы ударила правой.

Я рассмеялся, не веря, что эта молодая, матронистая Эйми, эта пышная женщина в дорогой, но как-то небрежно сидящей юбке могла такое сделать.

— А он тебе, наверно, дал сдачи? — спросил я.

Эйми засмеялась.

— Он именно так и сделал. Я хочу сказать... Началась настоящая драка. Я дико разозлилась и набросилась на него, пытаюсь разбить ему рожу. Я была, как бешеная, а он еще меня два раза как следует стукнул, чтобы как-то остановить, как он говорил потом. Тут я упала, а он стоял надо мной. Я попыталась сбить его с ног. Все это было ужасно. Кит, я этого никогда не забуду. Я рыдала и плакала, но когда я сбила-таки его с ног, все пошло не по тому руслу.

Мы с Эйми не виделись четыре года. Я понимал, что все это время она ждала, чтобы рассказать мне о себе. Как-никак, я был единственным человеком, который знал, с чего все началось, еще тогда, в той конюшне в штате Коннектикут.

— Как это понять — не по тому руслу? — спросил я.

— Секс,— ответила, она.— Все кончилось сексом. Это было ужасно.

Я уже знал, что для Эйми это был большой вопрос. И постарался как можно мягче сказать:

— Ну, не так уж плохо все кончилось. Ты ведь вышла за него замуж? Ты ведь о нем говоришь?

— Да, вышла, но не хотела. Поначалу, во всяком случае. Мне противно было вспоминать о случившемся в тот день, Кит. Ты не представляешь, что я тогда испытывала. Это не выглядело, как у животных... Это было... О, мне не надо говорить тебе, чем это кончилось. Я влипла в такую историю. Нет, я не забеременела. Но Джек сделал из меня черт знает что.

Бедная Эйми. Потеря невинности должна была бы проходить для нее нежно, без грубости, в соответствии с ее понятиями о любви, сексе и браке. Тогда бы это принесло радость им обоим. Но Эйми говорила о насилии, и, что удивительно, она до сих пор считала это насилием.

— Так зачем же ты вышла за него замуж? — спросил я.

— Ну... — вздохнула она. И этим вздохом все было сказано.— Джек, наверно, любил меня. Не вначале, нет. Только после этого случая. Думаю, он иначе и поступить не мог. Так поступает и думает большинство американских мужчин. Я не думала, что так должно быть, но это есть. Даже их разговоры. После всего он немного изменился. Он явился и вел себя так, будто я его чем-то обидела. И у меня самой появилось чувство, будто я его чем-то обидела. Смешно, правда? Кажется, потерпевшей стороной была я, но я начала делать все, что он хочет. Всюду ходить с ним и разыгрывать из себя дуру. Ну, а когда он пошел на флот, тут уж бросить его я не могла.

Боже, подумал я. Еще один предрассудок, испортивший ей жизнь.

— А когда он возвратился — его дважды ранило, — я не позволяла дотрагиваться до себя до самой свадьбы. Тебе покажется смешным, Кит, но я ничего и не хотела. Честное слово. Ни Джека, ни секса, ничего. Но мы все-таки поженились.

Внешне по Эйми ничего не было видно. Но она обладала свойством рыдать про себя, беззвучно и не показывая своих слез.

— Я думала, брак что-нибудь изменит, но этого не произошло, во всяком случае, со мной.

Я взял ее сочувственно за пухлую руку и на секунду задержал в своей руке.

— Успокойся... — Это все, что я мог сказать.

— Знаю, знаю, все в порядке. — Она не вытирала глаз. Зачерпнула ложкой из тарелки и, как ребенок, шмыгнула носом. — Но если бы это не произошло так, если бы у меня было немного больше времени, я, может быть, заставила бы Пипа обратить на себя внимание. Они с Джуди не ладили. А ты знаешь, сразу после твоего отъезда, до того, как они поженились, Лестер вернулся и попытался с налету перехватить Джуди.

— Трудно поверить, — сказал я.

— Честное слово. Кто-то в Вашингтоне посоветовал ему, где можно купить приличный костюм, и в пятницу вечером он появился в новом костюме. На нем, как у этих ужасных сенаторов из Джорджии, был повязан здоровенный галстук. И к тому же он был в шляпе. Боже мой, в шляпе! Он выглядел, как Аль Капоне.

— Не может быть.

— Похож, говорю тебе.

— А Пип там был?

— Конечно, был. Я полночи наблюдала за дверью в спальню Джуди, хотела узнать, кто же из них к ней придет. К этому времени я уже влюбилась в Пипа и решила сделать ему нокдаун, если появится он. Я бы это и сделала. Но ничего не произошло. А на следующий день у них вспыхнула большая ссора. Ты думаешь, по поводу кого? Фенимора Купера! Лестер и Джуди обрушились на Пипа, а я встала на его защиту, хотя сейчас и не помню, в чем была суть спора. Что-то насчет того, что Купер был слишком большим аристократом — таким мэтром, потому что он не любил Эндрю Джексона. Я помню только, Пип заявил, что иммигранты не имеют права читать Купера. Я согласилась с ним, потому что Купер американец, а люди, подобные Терраде, не могут претендовать на что-либо общее с Купером и даже знать о нем ничего не должны.

— Эйми, ты что-то путаешь, — мягко сказал я.

— Может, и так, может, и путаю. Я толком и не поняла, в чем дело. Но я их подогрела как можно больше, так как Джуди страшно разозлилась на Пипа, и я была довольна. Очень довольна. Беда в том, что Террада не очень подходил даже для Джуди. У него вообще ничего

не получалось, даже со шляпой на его голове, что для меня было весьма печально. Не будь он таким ничтожным, если бы он хоть что-то собой представлял, я уверена, что Джуди вышла бы замуж за него, а не за Пипа. Даже несмотря на своей снобизм. Он родился ущербным, как больной шпатом¹.

Я точно не помнил, что такое шпат, но знал, что это связано с лошадьми. Я был не согласен с ее оценкой Лестера. У него были свои достоинства. Он обладал грубой физической привлекательностью, и это нравилось женщинам больше, чем эрудированность Пипа и легкий элемент сексуальности в нем. Единственной причиной, почему Эйми не замечала достоинств Лестера, было то, что она вообще не выносила в мужчинах этой грубой животной привлекательности.

Но она сказала мне, что Террада повторил свою попытку, на этот раз в Вашингтоне. Джуди неделю жила в доме своей тетушки Фелис в Чеве Чейсе в пригороде Вашингтона, и Лестер поселился у них — в буквальном смысле слова.

— Бог знает, откуда у него взялась такая наглость. Тетушка его ненавидела, но он думал, что она его любит. Настолько чертовски вежлива она была.

— А что же делал Пип?

— А ничего. Поэтому-то Джуди и хотела его заполучить и добилась своего. В ней очень много снобизма, она замкнулась на этом, что и решило судьбу Пипа. Она поехала в Вашингтон специально и добилась своего. В принципе все очень просто, хотя, я думаю, Пип этого не очень хотел. Он уступил ей, как я уступила Джеку. Поэтому мы так с ним схожи. Чего-то нам обоим не хватает. Но счастливы они не были, Кит, как, впрочем, не была и я. Фактически я пришла к выводу, что никто не может быть счастлив. Я не знаю никого, кто был бы счастлив. Полагаю, Пип в этих обстоятельствах смирился со всем так же, как и я.

(Окончание главы 7 см. в Библиотеке «Огонек» № 29).

¹ Шпат — болезнь ног у лошадей.

Джеймс ОЛДРИДЖ

ПРОЩАЙ, НЕ ТА АМЕРИКА

Редактор **М. М. Жигалова**

Технический редактор **О. Н. Ласточкина**

Сдано в набор 23.05.83. Подписано к печати 25.07.83. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Учетно-изд. л. 4,19. Тираж 100 000 экз. Изд. № 1887. Зак. № 806. Цена 40 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

● **РЕМОНТ ШВЕЙНЫХ МАШИН**

**ЕСЛИ У ВАС ЕСТЬ ШВЕЙНАЯ
МАШИНА,**

Вам необходимо знать, что...
механические и электрические
ШВЕЙНЫЕ МАШИНЫ

отечественного производства
принимают в ремонт мастерские
производственных объединений
«Рембыттехника».

Исправность отремонтированных
деталей
гарантируется в течение шести
месяцев.

Росбытреклама